

ЖИВИ И ПОМНИ

Санкт-Петербург
2015

УДК 882.1
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-5

*70-летию Великой Победы
посвящается это издание*

ЖИВИ И ПОМНИ

Сборник воспоминаний, рассказов, документов.
СПб., 2015, 111 с.

Издание содержит воспоминания ветеранов Научно-исследовательского центра экологической безопасности РАН о Великой отечественной войне, письма с фронта академика К.Я. Кондратьева, документы военного времени, а также — свидетельства сотрудников института о военном прошлом их семей.

Авторы и организационно-редакционная группа выражают благодарность директору института проф. В.К. Донченко за поддержку данной инициативы.

Составители сборника:

Кирилл Андреевич Мокиевский
Светлана Ивановна Кондратьева
Владимир Зенонович Родионов

Редакционная группа:

Людмила Павловна Романюк
Виктор Иванович Биненко
Ирина Капитоновна Калинина

Оригинал-макет:

Юлия Анатольевна Новикова

Дизайн обложки:

Олег Петрович Шаповалюк

Редакционная группа доверительно отнеслась к текстам, представленным авторами, и не несет ответственности за изложенные в статьях сведения.

@ Коллектив авторов

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ	4
ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ	7
К. Я. Кондратьев. Письма с фронта.	8
ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ БЛОКАДЫ	29
К. А. Мокиевский. Военная юность	30
Издаюла	30
Так началась война	35
Блокада	37
Прорыв блокады	42
Снятие блокады	43
Победа	46
Эхо войны	46
В. И. Сухаревич. Память сердца	48
Л. С. Венцюлис. Вспоминая о подвиге великого города ...	55
Б. В. Шилин. Некоторые штрихи из блокадной памяти	65
МЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД НИМИ	73
Г. Д. Титова. Война глазами ребенка из Соломбалы	74
В. И. Биненко. Победа со слезами на глазах	78
А. И. Шульга. “Но баранку не бросал шофер”	90
А. Ю. Скорик. О военном детстве отца	94
Л. П. Романюк. Еще одна судьба	102
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ	108

ОТ РЕДАКЦИИ

День Победы. Трудно найти другой праздник, в котором смешиваются радость и скорбь, весеннее пробуждение природы, как надежда на будущее, и желание внимательно всмотреться в тревожное прошлое, понять, что чувствовали те, кому пришлось пережить лихие военные годы.

Их все меньше и меньше, тех, кто выжил наперекор врагу, кто пережил тяжкие блокадные и голодные послевоенные годы. Поэтому все ценнее их воспоминания, письма из тех далеких лет, любые детали военного детства, военной юности...

Живое свидетельство участника войны — письма Кирилла Яковлевича Кондратьева, ушедшего на фронт со студенческой скамьи. Письма эти очень трогательны и показательны. Сначала мальчишеская бравада и желание успокоить родных (письма, датированные 1941 г., подписывались юношеским именем Кира) и зрелые письма прошедшего испытания войной, болезнями, госпиталями мужчины (письма 1943 г., которые подписывались уже полным именем Кирилл). Спасибо родным, которые сохранили эти драгоценные треугольнички военно-полевой почты.

Авторы воспоминаний, опубликованных в разделе «Живые свидетели блокады» этого сборника, без пафоса и патетики рассказывают о пережитом. И только поставив себя на их место, можно понять, каким напряжением были наполнены для них военные дни, как нужно было верить в то, что однажды придет Победа, и, не покладая сил, работать для

ее приближения. А потом осталась Память, которую они пронесли через всю жизнь и которой делятся с нами.

И, наконец, в разделе «Мы в долгу перед ними» — рассказы о военном прошлом наших родителей, дань памяти тем, кто ушел, и искренняя благодарность тем, кто еще жив. Разные люди. Разные судьбы. И одна на всех война. Одна на всех Победа!

Данное издание подготовлено инициативной группой сотрудников НИЦЭБ РАН и приурочено 70-летию великой Победы.

В первую очередь, данным скромным изданием хотелось поблагодарить наших дорогих ветеранов и блокадников, а также — вспомнить тех, кто был и жил в те времена и вложил свою толику труда в общую Победу!

С праздником, дорогие наши ветераны!

Да, мы умеем воевать,
но не хотим, чтобы опять
солдаты падали в бою
на землю грустную свою.
Спросите вы у матерей,
спросите у жены моей,
и вы тогда понять должны,
хотят ли русские войны.
Хотят ли русские,
хотят ли русские войны?

Евгений Евтушенко 1961

Жди меня...

Константин Симонов 1941

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.
Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

ИЗ ПОКОЛЕНИЯ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Жди меня, и я вернусь,
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.
Не понять, не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой, —
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Кондратьев Кирилл Яковлевич

Академик РАН

(14.06.1920—1.05.2006 гг.)

В НИЦЭБ РАН с 1992 по 2006 гг.

К началу Великой Отечественной войны комсомолец Кирилл Кондратьев — студент III курса физического факультета Ленинградского университета.

Военная биография его началась с участия в подготовке на отдаленных южных рубежах Ленинграда аэродромов для военных самолетов. Позже он оказался в учебном автотракторном батальоне, а после его расформирования — в батальоне аэродромного обслуживания. Как воин тыловых подразделений К. Я. Кондратьев получал и соответствующее (не фронтовое) пищевое довольствие. Каким оно было, можно судить по тому, что в начале марта с тяжелой формой дистрофии он оказался в госпитале, откуда мог выйти лишь в октябре 1942 г. После госпиталя — направление в формирующуюся 1-ю гвардейскую воздушную десантную дивизию, которая в феврале 1943 г. в качестве пехотной была брошена в бои на Северо-Западном фронте. Потом рядовой К. Я. Кондратьев — пулеметчик в боевом охранении.

Но хотелось более активных и боевых результативных действий. И он добивается участия в операциях полковой

разведки, с ее главной задачей — получить сведения о противнике, захватить пленного — «языка». В качестве наводчика пулеметного расчета К. Я. Кондратьев был среди наступающих на Старую Руссу. Тогда же в марте 1943 г. он стал кандидатом, а в июле — членом партии.

Как писал Константин Симонов в своем известном фронтовом стихотворении «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины», обращенном к собрату по перу и боям поэту Алексею Суркову, «нас пули пока еще милуют»... Некоторое время они «миловали» и рядового К. Я. Кондратьева: в первом же бою в составе той самой военно-воздушной дивизии, которая воевала как пехотная, он получил ранение в голову, но оно не помешало ему остаться в боевом строю. В боях за Старую Руссу осколком лишь оцарапало лицо, а при разминировании прохода для направляющейся за «языком» группы разведчиков мина взорвалась перед самым его лицом. К счастью и удивлению товарищей, все осколки миновали бойца, однако он был контужен и некоторое время находился без сознания.

И все же вражеская пуля настигла свою жертву — после прорыва первой линии обороны и на пути ко второй при наступлении на Старую Руссу автоматной очередью прошло левую руку, перебило вену и нерв. Госпиталь и — демобилизация инвалида: рука действовала плохо. В августе 1944 г. К. Я. Кондратьев возвратился в университет*.

* Из книги А. Ф. Бережной «Они сражались за Родину» СПб ГУ, 1995 г.

Кирилл с мамой. 1935 г.

Кондратьев К. Я.
Письма родным. 1941-1943 гг.

15 июля 1941 г.

Мунчик!

Нас перебрасывают на другое место, так что мы оставляем этот уже обжитый уголок. Сейчас половина седьмого утра, и мы собираем свои рюкзаки. Как приедем на новое место, сразу напишу. Пока!

Привет Нине и Н[иколаю] Н[иколаевичу].

Кира.

Мунчик — мама
Н. Н. — Николай Николаевич — отчим
Нина — родная сестра К. Я. Кондратьева

17 июля 1941 г.

Нам, кажется, дали передышку. Сегодня мы опять не работаем. Можно было бы опять приехать, но нужно идти 8 км до станции, а у меня немного натерта нога.

Здесь устроились прилично. Есть хорошая столовая, так что питаемся хорошо. Из Ленинграда добрались благополучно.

Кира.

21 июля 1941 г.

Л. О. Тосненский р-н, п/о Новолисино, Починский с/с, дер. Лорвилово

Мунчик! Теперь мы уже в третьем месте, в Тосненском районе, в 20 км от Вырицы (которую мы проходили, когда шли сюда). Жизнь здесь пока очень хорошая. Вот уже третий день мы не работаем. Через деревню все время гонят стада коров на мясокомбинат, и мы покупаем молоко по 1 руб. за литр, и даже купили барашка за 20 руб. Сегодня варили суп и жаркое из него. Спим на сеновале. Обстановка здесь совершенно мирная, даже самолеты почти не появляются. В общем, настоящий дом отдыха. Только, к сожалению, имеются признаки того, что нас отправят в другое место. Ну, пока! Поеду сейчас есть землянику.

Привет Н. Н. и Нине.

10 августа 1941 г.

Мунчик! Жизнь наша здесь уже вполне урегулировалась. Живем хорошо. Питаемся тоже хорошо: яйца, молоко, масло не сходят со стола. Нам выдали второй аванс 50 руб., так что к своим деньгам я еще не приступал. <...> Загораю что-то плохо, хотя погода стоит солнечная. На этом месте мы, вероятно, еще задержимся, о чем мы, правда, не сожалеем,

т. к. устроились неплохо (у хозяев есть даже «Лен[инградская] правда»).

Ну, пока!

Кира.

13 августа 1941 г.

Жизнь у нас протекает хорошо. Сейчас пишу из Гатчины, куда приехали на машине в командировку. Придется бросить писать, т. к. меня прерывают. Пока! Привет Н. Н. и Нине.

Кира.

18 августа 1941 г.

Мунчик!

Живем мы здесь все по-прежнему. Сегодня нам повезло — пошел дождь, и сразу после обеда мы смылись с работы. Мунчик, сапог ты без меня не покупай, но если есть время, то присмотри их. Хорошо было бы только купить кружку.

Вероятно, я скоро смогу заехать в Ленинград, т. к. здесь мы заканчиваем строительство, и после этого нам, надо полагать, дадут выходной.

Ну, пока!

Привет Нине и Н. Н.

Кира.

22 августа 1941 г.

Мунчик!

У нас здесь все по-прежнему. Питаемся хорошо, живем дружно. Скоро должны кончить, после чего нам должны дать выходной. Пишу на почте, стоя, потому и кончаю. Пока!

Привет Н. Н. и Нине.

P. S. Напиши мне адрес Нины. Мой адрес: Окт. ж. д., ст. Тосно, пр. Ленина, д. 188. Галочкиной (для Кондр[атьева]).

26 сентября 1941 г.

Мунчик!

Т. к. писать нечего, то сообщая, что все идет по-прежнему хорошо. Все время поглощено занятиями. В воскресенье, наверное, будет свободное время, так что заходи во второй половине (часов после двух).

Ну, а сейчас всего хорошего.

Кира.

24 ноября 1941 г.

Действующая Красная Армия.
Полевое почтовое отдел[ение]
№ 448, подразделение 49.

Мунчик!

Приехал в часть. Писать некогда. Живем хорошо. Пока! До сих пор не отправил открытку — некогда. Пишу сейчас, находясь в карауле. Опять же — некогда.

Кира.

24 декабря 1941 г.

Здравствуй, Мунчик!

Вчера получил твои два письма (я что-то получаю сразу по два). Очень рад, что наконец-то ответила Нина. Я ей сейчас тоже напишу письмо. Сейчас я вот уже 7-е сутки в карауле и пишу письмо, сменившись с дежурства в 5 ч. утра. Теперь я уже опять на старом месте, после возвращения, куда нас и послали сразу в караул.

Мунчик! Я целиком и полностью поддерживаю ваше мнение о необходимости эвакуироваться. Если бы вы смогли сейчас эвакуироваться, я был бы очень доволен, — это было

1943 год

бы гораздо лучше, чем оставаться в Лен-де, и для этого нужно сделать все, что необходимо. Продать пианино — это пустяк... Куда эвакуироваться? Об этом, конечно, вам лучше судить, но сделать это нужно, п[отому] ч[то] это бы лучше для вас, и для меня спокойнее.

Что касается меня, то обо мне ты не беспокойся. Ты почему-то все время преувеличиваешь опасность, которая мне грозит. На самом деле здесь даже слово такое не подходит. Я нахожусь ведь в тылу, а вы подвергаетесь в Ленинграде несравненно большей опасности. Живем мы здесь неплохо. Питаемся, в общем, достаточно. Хлеба получаем 300 гр. и три раза в сутки — горячая пища: суп на ужин и завтрак, и обед из двух блюд.

Я тебе писал по дороге с Лад[ожского] оз[ера] о том, чтобы ты прислала мне галоши на валенки, и теперь прямо сожалею об этом, п[отому] ч[то] ты вместе с галошами пошлешь продуктов, а у вас с ними, наверное, не блестяще. Если не послала еще посылку, то очень прошу не вкладывать туда пищи. Если можно, то я просил бы тебя прислать мне карманный атлас мира, их у Нины два. Это можно сделать или в посылке (если она не отослана еще) или, может быть, какой-нибудь бандеролью, или уж я не знаю, как это называется.

Одет я, Мунчик, хорошо. Валенки подзачинил, под шинелью ватное полупальто-венгерка. Одним словом, в карауле дежурю уже неделю, но еще ни разу не замерз.

Мунчик! Если скоро освободят ж.д., то я советовал бы все равно уезжать из Ленинграда, может быть, к Нине, может быть, и дальше — вам виднее.

Ну, кажется, все написал, что хотелось.

Всего хорошего! Кира.

P. S. Распечатал это еще не отправленное письмо, т. к. получил

твое письмо № 6 — пятое, мною полученное. Ты спрашиваешь, похожа ли моя работа на ту, на которой я занимался до 1.IX? Да, по существу говоря, очень похожа. Очень хорошо, что так наладилась связь с Ниной. Ну, пока! Кира.

P.S. Очев[идно], в этом письме вас уже можно поздравить с Новым годом!

17 мая 1943 г.

Мунчик! Только что мне принесли письмо от тебя — первое письмо за 1,5 года (датировано 14.IV). Я не понял из твоего письма, как ты узнала мой адрес, но ты не представляешь, как я рад тому, что вновь знаю, где вы³². Расскажу о себе. Как раз после того как вы эвакуировались, я заболел (это был конец февраля) и попал в госпиталь. Болезнь моя (колит на почве истощения) обострилась, но я все же выдержал, и в июне меня эвакуировали в госпиталь глубокого тыла в Бийск Алтайского края. В октябре 1942 г. после 7 месяцев пребывания в госпиталях я выписался и был направлен в часть. Здоровье мое вполне восстановилось (я потерял и приобрел 30 кг), и я чувствовал себя хорошо. С тех пор я в одной и той же части. Тебя интересует, как я провел зиму 42/43 г. Очень хорошо, в валенках, в теплой фуфайке и брюках, теплых рукавицах. Немного досталось весной, но это уже пройденный этап: сейчас у нас тепло, кругом все зеленеет и цветет, только война вносит в эту картину некоторую дисгармонию. Вот коротко и все о том, как протекала моя жизнь за последние 1,5 года. Вас я искал, начиная с июня 42 г., когда немного оправился от болезни. Писал десятки писем, но все безрезультатно. Единственным письмом, полученным мною в ответ, было мое собственное письмо, посланное Нине из Пийска в Буй. Ответ о вашем местопребывании я получил лишь зимой 42/43 г. из Центрального справочного бюро: это

был ваш лабинский адрес. Но тогда же мне было известно, что весь Краснодарский край находится у немцев, и мне ничего не оставалось делать, как ждать. Когда началось наше наступление на Юге, я все время следил, когда же линия фронта подойдет к Лабинской, и когда она приблизилась к ней, сразу же стал писать вам. Всего несколько дней назад я отправил очередное письмо в адрес Лабинской, но вот только сегодня совершенно неожиданно получил твое письмо из Пятигорска. Ты далеко сейчас от меня, и я, вероятно, не все твои письма буду получать, но тебе буду писать регулярно, независимо от твоих писем. Вы никуда не думайте уезжать, живите на своем месте, устраивайтесь, и ты, Мунчик, не очень много работай — я хочу, чтобы ты была здорова и чувствовала себя хорошо — ведь тебе столько пришлось перенести. Обо мне не беспокойся. Я нахожусь сейчас в совсем иных условиях, чем в Ленинграде, чувствую себя хорошо, командование относится ко мне чутко и внимательно. Пиши мне больше о себе, пиши чаще (обрати внимание, что мой адрес изменился). Каждое ваше письмо мне очень дорого: единственная вещь, которую я сохранил из Л[енингра]да, это твои письма. Большой, большой привет Н. Н. и Нине (как и что она?).

Целую тебя горячо, горячо.

Кирилл.

P.S. Ради бога, не нужно денег. Они мне совсем не нужны.

31 мая 1943 г.

Здравствуй, Нинунчик!

Сегодня получил твое письмо от б.В. Оно дошло скорее мамино. Из него я увидел, что ты находишься вместе с мамой. Это очень хорошо, что вы собрались все вместе. Несколько дней назад я послал маме второе письмо, и поэтому

мне нечего добавить к тому, что я там писал о своей жизни. Это письмо я пишу, также находясь еще в Доме отдыха. Ты мне пишешь о деньгах, которые послала и, к тому же, по ошибочному адресу. Что вы делаете? Кроме того, что мне эти деньги нужны как собаке пятая нога, я их не получаю, и потому не могу отправить обратно. Ведь твое письмо, как и мамино, я опять же получил только благодаря счастливому случаю, потому что у меня сейчас совсем другой адрес. Опять я взываю к вам: ради бога, не присылайте мне денег, и вообще ничего мне не нужно — живу я хорошо.

Пиши мне, как ты живешь, где работаешь, как мама (смотри, чтобы она не слишком утомляла себя работой — ведь здоровье у нее сейчас, наверно, очень паршивое).

Всего хорошего!

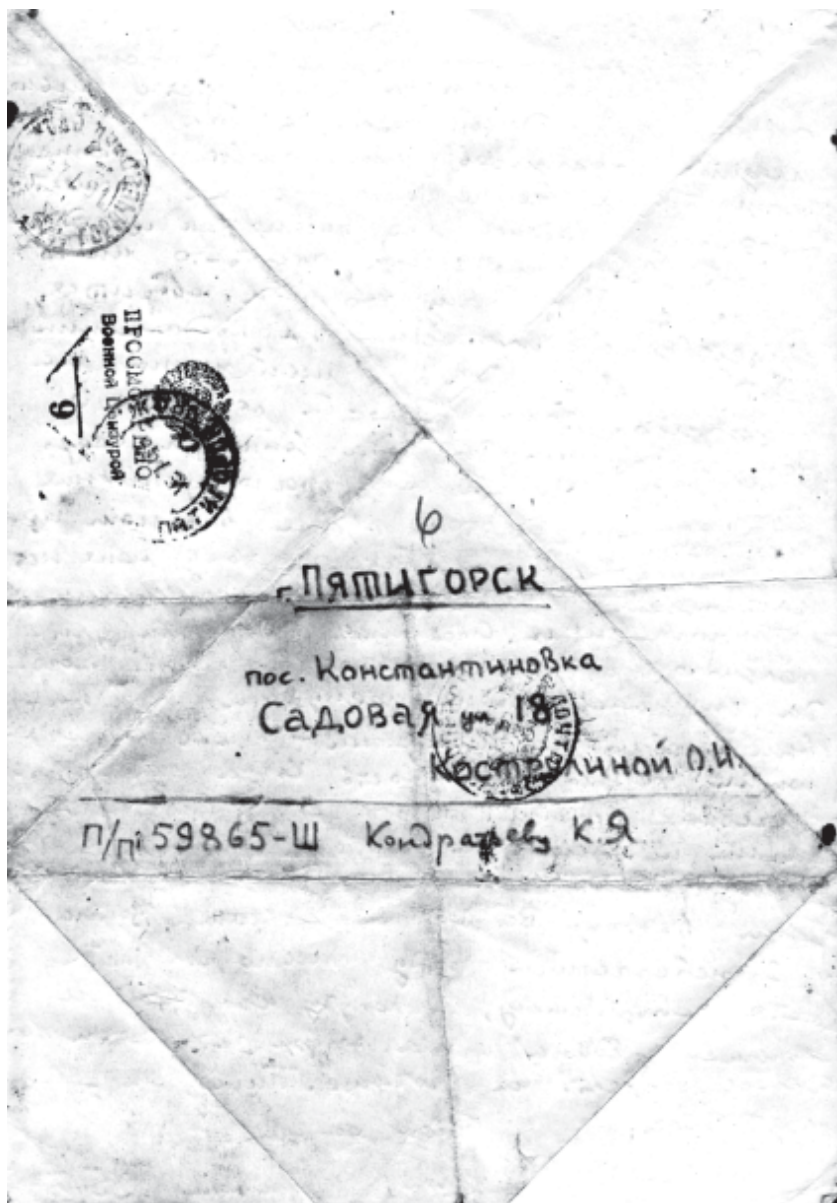
Привет Н. Н. Маме же скажи, что скоро опять напишу.

Кирилл.

25 июня 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Вот уже ровно полмесяца прошло с тех пор, как я написал тебе третье письмо. В течение последней недели я был на сборе младших командиров (мне присвоено звание сержанта) и все не было времени написать. Поэтому очередное мое письмо так и задержалось. Собственно говоря, писать-то много и не о чем, потому что, как говорится, существенных изменений в продолжение последних двух недель в моей жизни не произошло. Можно было бы поговорить о том, что прошло два года войны и скоро уже пройдет и два года моего пребывания в армии, — но об этом лучше в одном из следующих писем — сейчас что-то у меня нет настроения к таким философическим размышлениям. Стоявшая в течение длительного времени солнечная и теплая

Здравствуй, Мухом!
Вот уже давно хотелось написать тебе письмо. В последний последний номер я был на стороне мажоритария (мне присвоено звание сержанта) и все же было времени написать - потому переднее все писало так и задержалось. Собственно говоря, писать-то много и не о чем, потому что, как говорится, существенных изменений на протяжении последних двух недель в моей жизни не произошло. Можно было бы поговорить о том, что произошло эта война, и скоро уже придет и где да много предвидения в армии, но об этом лучше в одном из следующих писем - сейчас это-то у меня нет настроения и такой оптимистический размышления и. Стоящая в течение длительного времени сомнела и манера поведения, менялась сейчас полностью, до удивления - совсем не манерный - Дени, карьеристично только сознательность. Когда несколько месяцев назад было будущее. Далее достаточно много и расстановкой и много, а на письмо тебе писало не могу. Эта война в армии в эпоху Великой Отечественной войны. С небрежением пишу письмо от мамы, хотя, конечно, а концы его не совсем середины моего. Но уже зато потом надеюсь написать их позани. Твоя, как у вас есть Дени.
Всем хорошего!
Директор Н.Н. и Юне! Директор 25/12/43

погода сменилась сегодня пасмурным, дождливым, совсем не июньским днем, нагоняющим только сонливость. Когда метеорологические условия будут более благоприятными и расшевеливающими мозги, я напишу тебе письмо на тему: «Два года в армии в эпоху Великой Отечественной войны».

С нетерпением жду письма от тебя, хотя, по-видимому, я получу его не раньше середины июля. Но уж зато потом надеюсь получать их почаще. Пиши, как у вас идут дела. Всего хорошего!

Привет Н. Н. и Нине. Кирилл.

3 июля 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Вчера получил твое письмо от 14.VII. с. г. и пересланное тобой старое письмо, адресованное еще в Бийск. Благодарю всех вас за поздравление в связи с моей 23-летней годовщиной. Письмом твоим остался, однако, недоволен, потому что ты ничего не пишешь о том, как вы живете, где работает Н. Н. и Нина, как ты себя чувствуешь. Я живу по-прежнему и к тому, что писал в предыдущих письмах, не могу ничего добавить. Жду от тебя более подробных писем относительно вашей жизни. Напиши, каковы результаты вызова Н. Н. на комиссию. Напиши также, можно ли запросить обратно деньги, которые ты мне высылала — я их не могу получить, и этот вопрос меня беспокоит. Ну, пока, всего хорошего!

Привет Н.Н. и Нине!

6 июля 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Вот уже и опять получил твое письмо. Как хорошо получать письма из дома — сразу же на душе становится радостно. Правда, тут же и грустные мысли возникают — хочется с вами повидаться, но уж тут, как говорится,

объективные условия мешают, и поэтому настроение пересиливает грустное. Живу я все по-прежнему, так что в этом отношении не могу ничего прибавить к ранее написанному. Да и вообще здесь нет большого разнообразия впечатлений, а потому и на другие темы нечего писать.

Пожелаю только, чтобы ты писала мне, хотя и понемногу, но почаще.

До следующего письма!

Привет Н. Н. и Нине!

Кирилл.

11 июля 1943 г.

Мунчик!

Вчера получил очередное твое письмо, датированное 23.VI. — очень хорошо стали приходиться письма! Ты все боишься, как бы не прервалась связь между нами — совершенно напрасные опасения: я сейчас знаю после твоих писем столько адресов, что об этом и речи быть не может. Справку о том, что я в Кр[асной] Армии, вышлю тебе через несколько дней, т. к. сразу ее получить нельзя, но об этом я уже сказал, кому следует.

Я чувствую, вы там у себя за целый колхоз работаете. Но хотя размах-то у вас и широкий — русский, но силенок-то, наверное, для этого не очень хватает. Не советую я вам слишком увлекаться гигантоманией. Делайте то, что для вас самих необходимо, да только не с запасом на 10 лет, потому что силы надорвать недолго, а потом их уж неоткуда будет взять.

Ну, пока, всего хорошего! Привет Н. Н. и Нине.

14 июля 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Начал было уже сегодня думать, что почему-то долго

нет письма от тебя, и винить в этом почту, но вот только что получил письмо. Живем мы все по-прежнему, так что об этом писать абсолютно нечего. Не радуется только погода — уже три недели, как каждый день идет дождь, но теперь мы ждем улучшения погоды, надеясь, что ресурсы воды в небе должны в конце концов иссякнуть. Сейчас здесь уже поспевают ягоды и грибы, созрел гоноболь, краснеет малина и брусника, появились подберезовики и подосиновики. Через пару недель будем, наверное, всю кушать грибы. Насчет справки о себе я уже говорил, так что скоро вышлю.

Мунчик, ты ничего не пишешь мне о том, как вы эвакуировались, сколько жили в Лабинской и где потом скитались. Скажи Нине, чтобы написала мне, как она вас нашла. Что же касается того, что ей хочется куда-нибудь поехать, то мне кажется, что эту мысль нужно оставить. Сейчас война, и потому приходится мириться с не совсем желательным течением жизни. Я целиком и полностью согласен с тобой в том, что такая поездка принесла бы Нине лишь дополнительные трудности, а тебе лишнюю заботу.

Ну, пока, до свидания! Привет Н. Н. и Нине!

Кирилл.

18 июля 1943 г.

Здравствуй, Нинунчик!

Сегодня получил твое письмо от 16.VI. Очень рад, что, как вы с мамой пишете, вы сейчас живете неплохо и вообще, как говорится, с материальными условиями существования дело у вас обстоит благополучно. Ведь ясно, что в условиях военного времени это один из самых основных и существенных вопросов жизни. А в нашем случае это утверждение даже еще более бесспорно. Вот по этой причине я и не советовал тебе в письме к маме уезжать от нее. Может быть, и невеселой кажется тебе перспектива работы пока что

учительницей истории и географии, но ведь иной путь — скажем, работа по специальности в Тбилиси или Сухуми — принесет тебе, по-видимому, лишь новые трудности, а маму лишит необходимой моральной поддержки. Трудно, конечно, загадывать сроки окончания войны, но, в конце концов, они уж не так велики, чтобы нельзя было этот вопрос разрешить после войны.

Что касается моей жизни, то она существенных изменений за последнее время не претерпела. Только вот дождь надоедливый, типично ленинградский, льет и льет, не переставая вот уже более трех недель. Не зря и в песне поется про норд-вест, его водные ресурсы поистине не... Впрочем, я, кажется, описал настроение в слишком мрачных красках. Сейчас около 2 час. дня, а дождя еще не было, и даже изредка сквозь облака проглядывает солнце.

Ты пишешь о моей фотокарточке — пока что я не могу ее выслать за неимением. Вас же прошу сфотографироваться всем вместе и прислать мне фотокарточку. Ну, на этом всего хорошего. Привет Н. Н. Маму поцелуй за меня.

Кирилл.

24 июля 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Позавчера получил сразу два твоих письма, от 1.VII. и 2.VII, но некогда было на них ответить. Сейчас я тоже совершенно не имею времени писать тебе. Через два-три дня буду посвободнее, тогда напишу. А сейчас сообщу только, что живу по-прежнему хорошо, правда, сейчас вот подвернулась порядочно работенки. Но сказать, чтобы я сильно утомлялся, не могу, т. к. это не физ[ическая] нагрузка.

Ну, всего хорошего!

Привет Н. Н. и Нине!

Кирилл.

С[еверо]-З[ападный] ф[ронт]. 2.VIII.1943 г.

Здравствуй, Мунчик и Нина!

Вчера получил ваше письмо от 14 и 17 июля. Очень хорошо, что у вас так хорошо удался огород, настолько хорошо, что даже стал для вас предметом коммерции. Я живу все по-прежнему. Наконец-то с конца июля у нас установилась теплая, солнечная погода, сменившая дожди, шедшие целый месяц. Чувствую себя хорошо — одним словом, все в порядке. Сейчас вы пишете мне хорошо — продолжайте так и в дальнейшем. Я, кажется, также не оставил еще ни одного письма без ответа.

Всего хорошего!

Кирилл.

11 августа 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Что-то долго нет от тебя писем. Как-то нехорошо без писем — я уже привык получать их часто, а тут вдруг какой-то перерыв. Но я думаю, что во всем виновата почта, и всю вину возлагаю на нее. Живу я по-прежнему, чувствую себя хорошо. Сегодня мне удалось, наконец, достать справку о том, что я нахожусь в Кр[асной] Армии. Высылаю ее тебе с этим письмом. На днях послал тебе 700 руб., из них 400 руб. это те деньги, что ты посылала мне. Я получаю 700 руб., а деньги мне совершенно не нужны. Вам они пригодятся. Напиши мне, когда получишь эти деньги.

Все же еще раз прошу тебя писать почаще. Мне бывает очень радостно и приятно, когда я получаю письма из дому. Пиши, как твоё здоровье, как Ник[олай] Ник[олаевич] и Нина, как идут дела в саду и в поле.

Всего хорошего! Привет Н. Н. и Нине.

Кирилл.

19 августа 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Сейчас мой адрес изменился, и я прошу тебя не писать на старый адрес. Когда будет новый адрес, я сообщу. Дело в том, что меня вчера ранило немножко, и я нахожусь сейчас в госпитале. В госпиталь я попал в день ранения, так что меня обработали очень быстро, тем более, что два ранения мои легкие. В общем, говорю тебе честно, что темы для беспокойства по этому поводу нет. Чувствую я себя хорошо. Отсюда, из полевого госпиталя меня, по-видимому, эвакуируют дальше, и тогда я напишу тебе свой адрес.

Ну, пока, всего хорошего!

Привет Н. Н. и Нине!

Кирилл.

3 сентября 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Пишу тебе опять [далее слово зачеркнуто. — *сост.*]. По-видимому, я здесь и останусь. Но я не рассчитываю получить от тебя ответ, т. к. думаю, что пробуду в госпитале еще с месяц, не более. Живу хорошо. Лечащий меня врач очень хороший и внимательный. Чувствую я себя прекрасно. Я ни в чем не нуждаюсь, так что ты обо мне не беспокойся. Письмишко все же черкни — может, оно удачно дойдет, и я получу его. Очень скучно без писем из дому. Но ничего — дождусь и опять буду их получать.

Всего хорошего! Привет Н. Н. и Нине. Кирилл.

11 сентября 1943 г. Валдай

Здравствуй, Мунчик!

Недавно я прочел очень хорошее стихотворение А. Суркова из цикла под общим названием «Письма в далекое». Я его и переписываю тебе вместо письма:

Знаю, ты тоскуешь, дорогая,
На крыльцо выходишь, ждешь меня.
Только письма греют, помогая
Жить надеждой завтрашнего дня.
Этих «завтра» накопилось много,
Как дождинок в облаке седом,
А на картах — дальняя дорога
И разлука, и казенный дом.
И без околичностей понятно,
Чем душа в такие дни жива,
Почему все чаще в письмах пятна
Размывают бодрые слова.
Уставать нельзя в такую пору,
Вешать голову — нельзя вдвойне
Может, кончится война не скоро,
Но придет ведь и конец войне.
Вот тогда поверь счастливой карте,
Встрече, ожидаемой давно.
Будет это в мае или в марте —
Разве важно? Будет все равно.

Чувствую себя хорошо. Рана заживает. Недостатка ни в чем не испытываю. Всего хорошего! Привет Н. Н. и Нине.

Кирилл.

23 сентября 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Пишу это письмо только для поддержания регулярности переписки, поэтому ничего не могу сказать, кроме: жив, здоров, чувствую себя хорошо. Очень скучно без твоих писем. Как вы там живете? Наверное, уже закончили свой «сельско-

хозяйственный год». Теперь вы хоть отдохнете, как следует.

Ну, всего хорошего!
Привет Н. Н. и Нине!

Кирилл.

3 ноября 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

В последние дни я совершил небольшое путешествие — эвакуировался из одного госпиталя в другой, и потому немного задержался с письмом в ожидании нового адреса. Чувствую себя прекрасно. Вес в порядке. Мой адрес теперь: Ярославская обл., г. Ростов, п/я 77, 6 отд. 2 палата. Кондратьеву К. Я.

Всего хорошего! Привет Н.Н. и Нине.

26 ноября 1943 г.

Здравствуй, Мунчик!

Пишу тебе из госпиталя последний раз, потому что получил отпуск и скоро приеду домой. До скорой встречи. Привет Н.Н. и Нине.

Кирилл

1947 год

* * *

...И летели листовки с неба
На пороги замерзших квартир:
"Будет хлеб. Вы хотите хлеба?.."
"Будет мир. Вам не снится мир?"

Дети, плача, хлеба просили.
Нет страшнее пытки такой.
Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене городской.

Без воды, без тепла, без света.
День похож не черную ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы все это превозмочь?

Умирили - и говорили:
- Наши дети увидят свет!
Но ворота они не открыли.
На колени не встали, нет!

Мудрено ли, что в ратной работе
Город наш по-солдатски хорош?..
Петр построил его на болоте,
Но прочнее земли не найдешь.

Елена Рывина 1942

ЖИВЫЕ СВИДЕТЕЛИ БЛОКАДЫ

Мне кажется: когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.

Они к Неве по улицам идут,
Как все живые. Только не поют.

Не потому, что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые молчат.

Мы их не слышим, мы не видим их,
Но мёртвые всегда среди живых.

Идут и смотрят, будто ждут ответ:
Ты этой жизни стоишь?
Или нет?..

Юрий Воронов

Мокиевский Кирилл Андреевич
Заместитель главного редактора
журнала «Региональная
экология».
Кандидат географических наук
НИЦЭБ РАН

Военная юность*

Издалеку...

В Европе несколько лет перед началом военных действий были тревожны.

Это напряжение нарастало с каждым годом. В 1936 году совершился «Аншлюс» — присоединение Австрии к Германии. В 1938 году Германия начала кампанию по передаче Судецкой области к Чехословакии и Германии под предлогом того, что эта область населена немцами. Аппетиты германцев нарастали. Желая сгладить агрессивность Германии, в Мюнхене собрались Деладье, Чемберлен, Муссолини и Гитлер. И за спиной Чехословакии решился вопрос не только Судецкой области, но и всей Чехословакии.

Она перестала существовать как государство, правительство Бенаша отбыло в Лондон, Словакия впоследствии стала независимым государством, а Чехия была переименована в протекторат Германии под названием Моравия и Богемия. Скрытая агрессия Германии начала развиваться и

* Текст воспроизведен с диктофонной записи Ю. Новиковой.

дальше. Хорошо понимая, что СССР большая и хорошо вооруженная страна, чтобы ее нейтрализовать, правительство Германии предложило нашему руководству заключить договор о ненападении. Поскольку и наша сторона была заинтересована в оттягивании войны, Сталин принял это предложение.

В Москву на подписание пакта о ненападении прилетел министр иностранных дел Риббентроп. У меня до сих пор стоит перед глазами фотография из газеты, где Молотов и Риббентроп подписывают договор о ненападении, а рядом стоят Сталин, Шапошников и фон Паппен.

1 сентября 1939 г. германские войска вторгаются в Польшу. Силы были неравные. Польские войска постепенно отступают, германские войска продвигаются на восток. Чтобы не допустить продвижения германских войска к нашей польско-советской границе, а она проходила в 30 км от Минска, 17 сентября Красная армия вступает в Польшу (на территорию западной Украины и западной Белоруссии). Устанавливается, так называемая, линия Кирзона (в 1919 г. английский министр иностранных дел лорд Кирзон предложил вариант польско-советской границы, которая так и была названа — «линия Кирзона»). Примерно по этой линии прошла новая граница между территорией, занятой германскими войсками и Советским Союзом.

Но у нас оставался очень серьезный пограничный вопрос в той ситуации, которая складывалась в Европе. Финская граница проходила в 30 км от Ленинграда. Советское правительство инициировало переговоры с Финляндией для того, чтобы отодвинуть границу до г. Тереоки. Мы предлагали компенсировать эту территорию адекватной территорией Карелии, но правительство Финляндии не пошло на это предложение.

30 ноября 1939 г. началась «финская военная кампания», которая продолжалась до марта месяца 1940 г. Она была

тяжелой, учитывая зимний период и неготовность наших войск, в отличие от финских, они строили мощные укрепления, готовясь к войне. Только в феврале 1940 г. удалось прорвать линию Маннергейма, и наши войска подошли к Выборгу. Итог — в Москву приезжает финская делегация, заключается перемирие, подписывается мирный договор между Финляндией и СССР.

В эти напряженные годы страна жила обычной трудовой жизнью. В нарастающем темпе работали заводы, страна была на подъеме — совершались героические события. Хотелось бы отметить четыре из них. Это первая знаменитая «папанинская» эпопея на дрейфующей льдине, которая длилась 9 месяцев. В начале 1938 г. «папанинцы» были сняты с льдины и на ледоколе «Ермак» доставлены в Ленинград. В 1937 году знаменитый перелет Чкалова, Байдукова, Белюкова через Северный полюс в Америку. Это был первый такой длительный перелет, что произвело большое впечатление не только у нас в стране, но и в Соединенных Штатах. Очень много написано и рассказано о том, как встречали экипаж Чкалова. Вскоре по этому же маршруту полетел экипаж Громова, Юмашева, Данилина. У них был перелет немного дальше, но это второй маршрут, подтвердивший возможность использования трассы через Северный полюс. И четвертое, это испытание на дальность нашей авиации — перелет трех героических женщин Гризадубовой, Осипенко, Росковой из Москвы на Дальний восток.

Возвращаясь назад к 1 сентября 1939 года, когда Германия напала на Польшу, надо отметить, что 3 сентября Франция и Англия объявили войну Германии. Никаких военных действий при этом не происходило. В июне 1940 года германские войска оккупируют Голландию, Бельгию и через эти страны вторгаются во Францию. Сопrotивления практи-

Мои родители.
1937 год

1936 год

1937 год

1937 год. Мой отец и брат

1937 год

1940 год

чески не было, силы были не равными. Это побудило Францию пойти на переговоры о капитуляции. Капитуляция была подписана в том же железнодорожном вагоне, в котором в ноябре 1918 года Германия подписала акт капитуляции перед Антантой. Передо мной стоят до сих пор кадры кинохроники, где Гитлер, стоя у вагона, не мог сдержать своих эмоций, радости и ликования.

После успешных операций во Франции Германия обратила свой взор на Балканы и южнее. Германская армия вторглась в Югославию, сопротивление было очень слабым и кратковременным. Вскоре германские войска вторглись в Грецию. Были оккупированы Дания и Норвегия. Начинается передислокация германских войск в Польшу.

Так началась война

Наступает 1941 год. Жизнь в Ленинграде, далеко от границ, протекает в обычном ритме. Работают предприятия, учреждения, школы. Но во всех сферах народного хозяйства усиливаются требования к трудовой дисциплине. По специальному Постановлению за опоздание свыше 25 минут, опоздавший привлекается к административной ответственности. Я помню, у нас в школе на входе был стол с журналом, в котором преподаватели расписывались, указывая время, а через 25 минут журнал забирал директор и смотрел, кто опоздал на работу. Также усиливается система трудовых резервов, создаются новые ремесленные училища, чтобы пополнить молодыми рабочими наши предприятия. В городах вводится шестидневная рабочая неделя.

Первый тревожный сигнал ленинградцы ощутили в конце апреля 1941 года, когда в газетах было напечатано сообщение

из Таллинна, что в Финляндии высадился германский военный десант (9 тысяч солдат) и он направился на север Финляндии.

1 мая на Неве не было военных кораблей Балтийского флота, что раньше было традицией.

В летние каникулы моя мама собирается со мной поехать в Гродно, где жила моя бабушка. Гродно был пограничным городом, нужно было оформлять пропуска. Бюро пропусков сообщило нам, что в 20-х числах пропуска будут подготовлены. Но наступило 22 июня 1941 года. Солнечный, теплый, летний день...

Как обычно в 12 часов по радио передали последние известия, причем даже с информацией из Берлина. Но в конце прозвучала тревожная фраза: «Будет передано правительственное сообщение». И в 12 часов 15 минут по радио выступил нарком Молотов, который сообщил, что без предъявления каких-либо претензий в 4 часа утра германские войска пересекли нашу государственную границу и подвергли бомбардировке Киев, Севастополь, Каунас и погибло порядка 200 человек.

И так началась война.

Выступление Молотова встряхнуло всю страну, повергло в шок — все понимали, что война с Германией будет нелегкой. 23 июня Президиум Верховного Совета издает Постановление о введении военного положения по всей стране, включая Дальний восток. Начинается работа военкоматов — призывы на военную службу. Многие предприятия переводятся на военный режим. Хотя в Ленинграде, далеко пока еще от театра военных действий, продолжается нормальная жизнь. Мой брат заканчивает второй курс геологического факультета Госуниверситета, и с друзьями уезжает на геологическую практику в Саблино под Ленинградом. Но занимаются совсем не геологией — им дается поручение собирать мох сфагнум,

который является хорошим антисептическим средством при перевязке и лечении ран.

3 июля утром по радио выступает Сталин — тревожным голосом обрисовывает ситуацию, которая сложилась на фронте. Продвижение противника идет быстро, и мы теряем территории. Начинается постепенная эвакуация из города некоторых важных для обороны предприятий, уезжают даже театры, отдельные граждане покидают город и даже организуется эвакуация детей. В августе месяце эти эшелоны уже подвергались налетам немецкой авиации, иногда эвакуация обходилась тяжелыми потерями. Появляются беженцы из западных районов страны, что тоже вызывает напряженное положение в городе. 1 сентября в этой ситуации никаких занятий в вузах и школах не начинали, потому что противник приближался к нашим пригородам.

Блокада

8 сентября была занята станция Мга, и кольцо блокады замкнулось. На следующий день в газетах появилось обращение к жителям города с призывом к ленинградцам соблюдать спокойствие и выдержку. Вскоре начались воздушные налеты на Ленинград. Страшный для города во всех отношениях был дневной налет на Бадаевские склады — основное хранилище продовольственных запасов города. Пожар был настолько огромным, что было видно издалека. Я с группой подростков находился на крыше нашего дома и сначала думал, что бомба попала в нефтехранилище, настолько был черен густой дым. Уже на следующий день многие знали, что это были разгромлены Бадаевские склады.

В городе создается сложное положение со снабжением продовольствием. Вводится карточная система, и постепенно

начинается уменьшаться норма выдачи продуктов, в первую очередь, хлеба. Это единственный продукт, который жители города получали. Нервную обстановку создавали бомбежки. Мы по звуку двигателей самолетов определяли, что летят бомбардировщики Junkers. В районе Казанского собора, где мы жили, были разбиты дома. Создается система местной противовоздушной обороны города на предприятиях и учреждениях.

Моя супруга, Нина Михайловна, тоже «блокадница» — большую часть блокадного периода провела во Всеволожском районе в очень тяжелых условиях. Ее отец, военврач, работал на бронепоезде и в госпитале, и не мог часто ее навещать. Но люди в это время были очень сердобольны. Нашлись соседи, которые ее приютили, чтобы перенести самый тяжелый период и продолжить свои занятия в школе. Но надо сказать, что в блокадном Ленинграде мы все-таки могли иногда уделять внимание своей культурной программе. Остался один театр, это Театр музыкальной комедии, где проходили спектакли, и они сглаживали те сложности и трудности, которые мы вынуждены были переживать.

Моего брата вовлекают в системы МПО Ленинградского университета, и он все время пропадает там, дежуря на крышах университета, чтобы можно было предупредить случаи сбрасывания зажигательных бомб. Кроме фугасных бомб город бомбили также зажигательными. Характерно было при этих бомбежках, что стали появляться ракетные сигнальные цепочки из разных частей города. По-видимому, в городе достаточно было немецкой агентуры, которые указывали цели. Позже была выпущена книжка, которая так и называлась «Зеленые цепочки». В городе расставляются зенитные орудия, создается системы аэростатов, которые ночью поднимались в воздух для того, чтобы преградить путь

немецкой авиации — она в основном совершала налеты ночью. Примерно в 7 вечера все жители города стремились попасть домой, потому что в это время объявляли сигнал воздушной тревоги.

Надо сказать, не все пригороды были заняты противником, в сторону Ладожского озера территория была нашей, в город Колпино ходили пригородные поезда. Для того, чтобы как-то пополнить домашний рацион, мы дважды с мамой выезжали во Всеволожский район к финнам-хуторянам, у которых можно было обменять вещи на продукты. Помнится, американские горки в районе зоопарка были подвергнуты бомбежке и был очень яркий пожар. Погибла известная всем ребятам слониха Бетти.

В Ленинграде становится очень популярной личностью товарищ Андриенко. Он был начальником отдела торговли Ленгорисполкома. Регулярно в газетах печаталось коротенькое сообщение: сегодня по таким-то талонам будет выдача того-то продукта, но в основном это был хлеб, норма которого все время уменьшалась. Эвакуация водным путем из города была ограничена недостатком плавсредств, поэтому специалисты и те, кто руководил обороной, ожидали скорейшего замерзания хотя бы части Ладожского озера.

В первую очередь ждали замерзания Шлиссельбургской губы, по которой могла быть проложена Дорога жизни.

В декабре 1941 года губа замерзла и наладилась более надежная эвакуация. В это время университет принял решение об эвакуации. Брат решил тоже уехать из Ленинграда с университетом.

Наступил 1942 год, тяжелый в отношении снабжения города. Голод еще продолжался, приближалась весна. Сильный авитаминоз многих поверг в цингу. Но власти города приняли срочные меры для развертывания специальных

цехов по изготовлению хвойного экстракта, который содержит много витамина С, и через поликлиники можно эти бутылочки было получать. К концу апреля стали по карточкам выдавать некоторые продукты, не только хлеб, но и сахар и даже водку. И по рекомендации врачей мы с мамой на блюдечке разводили небольшую порцию водки с сахаром и по чайной ложечке принимали против цинги.

Большое событие в городе произошло 15 апреля — пошли трамваи. На заводе «Севкабель» по заданию городских властей изготовили кабель и проложили его по дну Ладожского озера, соединив город с Волховской гидроэлектростанцией. Она работала и не была разрушена немецкой авиацией. Город получал дополнительную электроэнергию. Городу удалось избежать эпидемий. Весной началась генеральная очистка города от мусора и грязи. Не было никаких грызунов, которые могли бы разносить инфекцию.

Школьных занятий зимой не было, но школа вела учет школьников, которые могли функционировать. Иногда я посещал школу. В начале весны начались в городе посадки зелени. В районе Казанского собора вскапывали маленькие участки земли и высаживали то, что могло идти на питание жителям. Начали функционировать пригородные совхозы, которые остались. Из школьников образовывали группы (я в них участвовал), и на машине вывозили в район Колтуши для сельхозработ. Это лето 1942 года город был в тревоге от сильных артиллерийских канонад, которые часто раздавались вблизи города. Появились признаки того, что город готовился к уличным боям. Стали создаваться пулеметные гнезда.

С 1 сентября начинаются занятия в школах. В нашем районе было 3 школы, стала функционировать только одна, в ней открыли столовую, в которой было скромное питание для учащихся.

С ребятами допризывниками, в которые попадал и я, военкоматы проводили военно-учебные занятия, стрельбище в саду отдыха у Дворца пионеров, строевая подготовка. Надо отметить, в саду отдыха у Дворца пионеров, когда начались бомбежки, статуи с Аничкина моста были закопаны. А Медный всадник был обложен мешками и щитами. Даже витрина Елисеевского магазина была обложена мешками. В 1942 году бомбежки были редкими, но начались обстрелы города. Мы в школе не досчитались нескольких наших учеников, в том числе из нашего класса. Я помню это место, где погибла девочка у Казанского собора, — она бежала в школу.

Человеческой натуре свойственно приспосабливаться к тем трудностям и опасностям, которые можешь встретить на своем пути. Бомбежки были, конечно, очень неприятны. Мы старались где-то укрываться, бомбоубежище было создано в нашем доме, но к артиллерийским обстрелам относились спокойнее. По-видимому, считали, что летящий над твоей головой снаряд, это еще не твой. Хотя я раза два или три видел, как они падали и какие были жертвы. Сама блокада, период голода — это было страшно многими картинками, которые наблюдались в городе. Об этом был снят фильм «Ленинград в борьбе» и как нам писали потом в письмах с «большой земли», некоторых слабонервных выносили из кинотеатра, настолько было все это очень ярко показано. У меня в памяти остался один случай: я стоял за хлебом на Невском проспекте, а мимо проходила в сторону Смоленского кладбища машина и по ветру развевались две длинные косы. Это у меня останется в памяти на всю жизнь.

Мы приспосабливались, конечно, и выживали, как могли, пока не увеличили пайки по карточкам. В доме было холодно, но мы собирались в одной комнате, приобрели буржуйку. В дом принесли все оставшиеся у нас в дровяном сарае дрова

и более-менее поддерживали положительную температуру в квартире. Мама работала в артели Ленмехпром, тогда существовали производственные кооперативы, которые работали на фронт. Это предприятие располагалось в Гостином дворе.

Прорыв блокады

Наступает 1943 год. Для ленинградцев он был знаменательным тем, что 18 января 1943 года была прорвана блокада города. И кроме Дороги жизни появилась возможность проложить короткую железнодорожную ветку от станции Поляны до Шлиссельбурга. Правда, этот участок был очень опасный и тяжелый, — в 6 км находились немецкие войска и артиллерия. Так что количество эшелонов все увеличивалось. Эта линия работала. Надо сказать, что артиллерийские обстрелы города стали перехватывать наши артиллеристы. Наши артиллеристы засекали точки расположения немецкой батареи и отвечали тем же огнем по этим позициям, но противник оказался очень хитрым. Они устанавливали свои орудия на железнодорожных платформах и после нескольких выстрелов, оттягивали на другую позицию. Платформы засечь сразу не могли.

Прорыв блокады был важным событием в городе. Но, по-видимому, противник решил свои неудачи путем усиления артиллерийских обстрелов. По городу появились надписи о том, что эта сторона улицы наиболее опасна при артобстреле. Такая надпись сохранилась до сих пор на доме 14 на Невском проспекте, где находилась школа. Артиллерийские обстрелы велись не только по объектам, имеющим важное военное значение, но и там, где скапливалось большое количество людей, особенно по трамвайным остановкам. Например, угол Садовой и Невского, Площадь искусств, где находилось кольцо трамваев. Обстрелы велись крупно-калиберными

снарядами, которые приносили очень большие людские потери.

В 1943 году мои соседи предложили мне поступить в открывшийся вновь железнодорожный техникум, находящийся в Невском районе. Преимуществом были небольшая стипендия, другая категория карточек и возможная профессия в будущем. Школьная программа там сохранялась, но, кроме того, преподавали некоторые специальные предметы, особенно производственные мастерские, где старые мастера показывали нам, как надо осваивать слесарное, токарное дело. Я получил 4 разряд токаря. Рядом с техникумом находился Пролетарский паровозо-ремонтный завод. Там накапливалось большое количество паровозов, которые требовали ремонта. И нас на короткое время привлекали к работам на заводе, мы выполняли подсобные работы. Так прошел 1943 год.

Снятие блокады

Наступает для Ленинграда знаменитый 1944 год. Сильная артиллерийская канонада в середине января навела на мысль, что готовится что-то серьезное, и действительно 27 января вечером город был весь встревожен и вышел на улицы от артиллерийской канонады. Но это был салют и фейерверк по всему городу. Свершилось великое дело -сняли блокаду. Действительно на следующий день в газете «Ленинградская правда» был опубликован приказ командующего фронтом Говорова, где подробно было изложено о том событии, которое произошло. Город стал свободным от блокады и фронт стал продвигаться на запад. Город перестал называться фронтовым городом. Вообще 1944 год был знаменит большими успехами на фронте, крупных операций было, по-видимому, 10. Они были так и названы — «десять сталинских ударов».

С мамой и братом. Май 1944 года

23.V.1947 г.

Однокурсники Кривченко Г. И. и Мокиевский К. А.

Надо сказать, что в ноябре 1943 года было важное событие — это тегеранская встреча руководителей трех великих держав. На этой встрече Рузвельт передал через Сталина ленинградцам грамоту правительства Соединенных Штатов, где было высказано большое уважение к героизму и стойкости Ленинграда в этой войне.

Забегая вперед на многие годы, я хотел упомянуть выступление президента Франции Миттерана в 1994 году по случаю пятидесятилетия вторжения во Францию союзников, где он сказал: «Если бы Ленинград не выдержал осады и был занят, весь ход войны мог бы повернуться иначе. Может и сегодня сапог немецкого солдата топтал бы французскую землю».

Город стал жить мирной жизнью, по крайней мере не нужно было бояться бомбежек и обстрелов, фронт уходил далеко в Прибалтику. Для нашей семьи это было большим событием, так как в мае из Саратова вернулся университет и мой брат. Наш техникум летом был привлечен для подготовки к зиме жилых домов пролетарского завода в квартале Щемиловка. Мы меняли батареи, которые за зиму вышли из строя, проводили другие работы. Каникул фактически не было. Осенью начались обычные занятия, а в летний период для Ленинграда было еще одно важное событие — начались военные действия на Карельском перешейке. В 1944 году Финляндия вышла из войны. Это был один из сталинских ударов. Была специально выпущена литература, и эту книжку изучали в школах. Эти успехи на фронте привели к тому, что в конце 1944 года наши войска пересекли государственную границу на всех участках войны. Война началась уже на территории противника и его союзников. Наступил 1945 год, всем известный год тяжелых боев.

Нас привлекали на пролетарский завод приводить в порядок локомотивы, которые были повреждены во время

прорыва блокады Ленинграда. Надо сказать, что восстановительные работы велись не только по подвижному составу локомотивов, вагонам, но и на самих путях, потому что противник, отступая, умудрился ломать и гнуть рельсы. Приходилось восстанавливать и пути. Железнодорожный транспорт за время войны понес большие потери, из 30 тысяч паровозов осталась половина. 220 тысяч вагонов было уничтожено. И нам стали преподавать новую дисциплину — восстановление железнодорожного транспорта.

Победа

У меня есть Атлас мира, на котором я отмечал продвижение наших войск. Когда во второй половине апреля наши войска появились на улицах Берлина, хотя на других участках еще ожесточенно велись бои, стало ясно, что война идет к концу.

И действительно, 2 мая 1945 года все газеты и радио сообщили, что генерал Кребс подписал капитуляцию берлинского гарнизона, и тут же появилось сообщение, что за три дня до этого покончил с собой Гитлер. Раз уже берлинский гарнизон сдался, значит осталось совсем недолго. 8 мая стал таким знаменательным днем. О капитуляции Германии мы узнали поздно вечером 8 мая от ректора университета.

Война закончилась.

Свои воспоминания хотелось бы закончить таким названием — «Эхо войны».

«Эхо войны»

Как я уже упоминал, я проходил производственную практику в локомотивном депо «Ленинград — Московская пассажирская» и обслуживал линии Ленинград — Москва.

Двигаясь в направлении на Москву через Поповку, я обратил внимание, когда мы подходили к станции Поповка, что лесной массив стоял совершенно без веток, и мне старший машинист локомотива Коля объяснил, что это был такой плотный обстрел перед снятием блокады, что ветки буквально были срезаны. Это было очень сильное впечатление. И другое, это спустя несколько лет, когда я уже работал в университете и занимался на заочном отделении географического факультета. В 1949 году я приехал в Саблино, где находилась учебная база университета, и нас предупредили, когда мы проводили топографическую съемку, в какие места нельзя было заходить. Там работали саперы, стояли палатки с красными крестами — велось разминирование этих территорий. И одну такую мину, которую минеры по нашей наводке убрали, была на дне реки Тосна. Река неглубокая, вода прозрачная и круглый предмет сразу бросился в глаза. Оказалось, это противотанковая мина. Сам факт удивляет, что еще в 1949 году велось активное разминирование территории, которое началось в 1944 году. Впрочем, Эхо войны иногда раздается и сейчас, когда неожиданно находятся неразорвавшиеся мины и снаряды, которые напоминают о войне.

**Сухаревич
Валентина Ивановна**
Доктор технических наук,
профессор, заведующая
лабораторией, главный
научный сотрудник
НИЦЭБ РАН

Память сердца

Прошел 71 год с того времени как 27 января 1944 года была снята блокада Ленинграда. За этот период о блокаде написано очень много, в силу чего мои краткие воспоминания являются лишь еще одним подтверждением того, что пережили жители блокадного города, проявляя при этом необыкновенные человеческие качества.

Вот некоторые события из жизни того времени:

Я отношусь к категории «дети блокадного города». В марте 1941 года мне исполнилось 8 лет. Лето этого года я и моя старшая сестра Зоя (11 лет) готовились провести у бабушки в Белоруссии, как это делали раньше. Поездка не состоялась, началась война, а с 8 сентября 1941 года на 900 дней Ленинград оказался в кольце — блокаде.

Жили мы на Пионерской улице в деревянном доме, расположенном во дворе каменного дома № 27, сохранившегося до сих пор на этой улице.

Для меня война началась с того, что однажды, играя во дворе, увидела немецкий самолет. Он летел так низко, что я смогла рассмотреть пилота в кожаном шлеме. Он тоже смотрел на меня, улыбался и бросил 2 пачки листовок. Одна из них, разделенная на 4 квадрата, содержала иллюстрации того, как надо выявлять и уничтожать евреев. В другой, более красочной, была изображена женщина с ребенком на руках, а ниже был призыв к русским женщинам встать на сторону немцев, что спасет их детей и обеспечит счастливую жизнь.

Надо отметить, что листовок в это время было много, но они не вызывали интереса и даже обыкновенного любопытства.

Вскоре, в этом же дворе, я наблюдала, как из немецкого самолета летели уже зажигательные бомбы. Они предназначались для школы, расположенной почти рядом с нашим домом. Одну такую неразорвавшуюся бомбу цилиндрической формы и серого цвета мама принесла домой, чтобы показать нам.

Мы боялись этих бомб только как источника пожара, особенно для деревянного дома. Однажды бомба разорвалась на крыльце нашего дома — пламенные, ослепляющие брызги не позволяли выбежать. Сестра исчезла в квартире первого этажа и быстро вернулась с тазом, наполненным водой, которую и выплеснула в очаг взрыва. Негативный эффект был настолько велик, что нас не только срочно «убрали», но и предварительно наказали подзатыльниками.

Мама, как и многие другие женщины, постоянно участвовала в противовоздушной обороне, в разборе завалов и собирании трупов после артобстрелов или бомбежек. Вызывали на помощь в любое время суток. Очень страшно было оставаться одним, особенно ночью при непрерывных где-то рядом взрывах бомб или снарядов, с ощущением, что

следующий попадет в нас. Но нас было все-таки двое, а у кого был один ребенок, его оставляли у соседей, в том числе у нас. Все вместе мы спали на полу под большим обеденным столом, что, по мнению родителей, могло нас защитить от осколковбитого стекла. По моим представлениям, тогда не было «чужих» детей, всех детей защищали как могли. Мы с Зоей не раз попадали под опеку малознакомых людей.

1-го сентября я пошла в школу. Это был первый и последний учебный день. В здание школы во время урока попала фугасная бомба. Взрыв был оглушительный и настолько сильный, что с одного конца поднялись половые доски. Всех распустили по домам с напутствием — не возвращайтесь.

Самые тяжелые, нечеловеческие условия сложились зимой 1941–42 гг. — голод, сильные морозы, отсутствие воды, отопления и многое другое. К этому добавлялись усиленные обстрелы и бомбардировки.

Мы научились слушать и понимать взрослых, понимать неизбежность происходящего, невозможность как-то защититься. Замерли, замкнулись, повзрослели.

Как-то утром я сидела у окна и увидела под аркой соседнего дома (с другой стороны нашего) труп, а из подъезда тащили другой. Подошла мама положила руку мне на плечо и сказала — вот и ты родилась в голод, в голод и умрешь. До сих пор не могу понять, зачем она это сказала. Возможно потому, что к тому времени сам факт смерти был настолько обычным, не только для взрослых, но и для детей.

Кроме всего прочего мы опасались, что немцы ворвутся в город. Особенно тревожно было для евреев. В доме на Пионерской улице жила мамина подруга Елизавета Самуиловна и моя подруга — Фира Локшина. Мама решила, что спрячет их в нашей квартире, а именно — на лестнице

черного хода, где мы хранили дрова. Помню, как кто-то доходчиво объяснил маме, что за это расстреляют ее и нас двух девчонок. Слава богу, эта беда миновала.

Однажды, на площадку второго этажа нашего дома по лестнице с помощью рук и ног добрался мой дворовый приятель Толя. Это был скелет, обтянутый желтой кожей, но почему-то улыбался... Пришел погреться на солнце, посмотреть на него, т. к. в его комнате оно не бывает. На вопрос — чему улыбаешься? — последовал ответ более страшный, чем улыбка. Сказал, что скоро умрет, может быть даже сегодня вечером, так как кроме голода у него уже был понос. Поговорили и расстались... как оказалось — навсегда.

Как-то раз в яркий солнечный день и я вышла на улицу погреться на солнце и встала около стены нашего дома. Рядом на снегу обнаружила сверток в светлой ткани и стала его разворачивать. Там оказался труп очень маленького ребенка, принесенного сюда очевидно еще ночью. Обычно так и поступали. А на расстоянии 5-6 метров в небольшом углублении лежал труп взрослого человека, завернутого в белую простынь, местами окровавленную. Видимо его волокли по замерзшей земле за веревку и оставили там, где их самих оставили силы. Смерть была кругом и совсем рядом.

В публикациях о блокаде я встречала мнение авторов о том, что смерть от голода самая тяжелая, самая мучительная. Именно такая смерть и была уготована большей части ленинградцев.

Измощенные, истощенные люди ходили, шатаясь, волоча санки с дровами или покойниками, завернутыми в простыню или одеяло. Иногда тащили без санок просто по земле за веревку. Когда не хватало сил, оставляли на улице.

Иногда мама брала меня с собой стоять в очереди за хлебом. Очереди всегда были длинными — еще до магазина,

на улице. На морозе не все могли выстоять — присаживались и, как правило, навсегда. Однажды мимо такой очереди проехала грузовая открытая машина с горой замороженных трупов в позах, в каких закончилась их человеческая жизнь. Кругом была смерть.

Как-то раз нас с сестрой «укрыли» от бомбежки в маленькой комнате каменного дома. В комнате помещалось только две кровати. На одной были мы, а на другой, совсем рядом, лежал мужчина и спокойно смотрел на нас. Утром мы узнали, что он уже был мертв, а в соседней комнате было еще несколько покойников.

Проблема выживания от голода решалась по-разному и часто с удивительной изобретательностью. Одни из наших соседей оказались счастливыми обладателями тулупа. Предварительно осмолив его, из кожи готовили что-то съедобное. Естественно, запахи от этих процессов не оставались незамеченными нами.

Другая соседка особенно тяжело переносила голод, и временами нам казалось, что она теряет рассудок. Как-то раз она сказала маме, что съест меня. В это было трудно поверить, но, все же уходя в магазин, или по очередному вызову, мама закрывала дверь комнаты на ключ, а изнутри мы с сестрой придвигали к двери стол и стулья. Вместе с тем, когда соседка попыталась сделать котлеты или лепешки из печной золы, пригласила и меня. Лепешки не получились, было очевидно, что есть их все-таки невозможно. Однажды она где-то добыла кусочек колбаски из почтового клея. Большим кухонным ножом разрежала на тоненькие ломтики и один дала мне. Это был верх великодушия.

В квартире обсуждалась возможность использовать в пищу обои, которые в то время были на натуральном клее. По-видимому, эта идея возникла не случайно и была известна в городе.

Еще за несколько лет до войны отец привел к нам в семью татарского мальчика — подростка, сироту, обитавшего на каком-то ленинградском вокзале. Мы с Зоей очень его любили, а он так же любил нас. В начале войны пошел в армию. Так получилось, что ему мы во многом обязаны своим выживанием. Не помню, где располагалась его часть, но видимо далеко, так как добирался до нас не только пешком, но и на попутных машинах. Войдя в комнату, он сразу отдавал маме маленький бидончик, сделанный из банок из-под тушенки, а затем начинал быстро снимать обувь, разматывать окровавленные портянки. Долго шел. В бидончике была пшенная каша, которую мы получали по чайной (!) ложке в день.

Такова истина — «что отдашь — то спрячешь».

После прорыва блокады стало полегче, однако, усилились целенаправленные бомбежки и артобстрелы отдельных улиц. Очередь дошла и до Пионерской улицы, нашего нового каменного дома № 11 на углу проспекта Щорса и Пионерской. Деревянный дом взял какой-то завод на отопление, а до того жители соседних домов по ночам отрывали от него доски (что могли!) для той же цели.

Однажды на улице недалеко от дома меня застал оглушительный взрыв снаряда и яркая вспышка. На какое-то мгновение я оглохла и ослепла, а затем увидела, что снаряд попал в солдат, которые шли строем. Все было так, как и должно было быть — кровь тонкой струйкой стекала в люк рядом со мной, а раненых и убитых уносили на носилках.

Вскоре очередь дошла и до нашего дома — один снаряд разорвался со стороны улицы, а другой со стороны двора. Дом петровской постройки вздрогнул, посыпались стекла, осколки изрешетили мебель и стены нашей квартиры (на первом этаже). Мы с мамой спрятались на кухне за толстой

стеной. Но ужас был в том, что сестра чуть раньше пошла в магазин и могла попасть в центр этих событий. Мама рвалась на улицу, а я буквально висела на ней и умоляла не оставлять меня одну в этом аду. Когда мы смогли выйти на поиски, нам навстречу шел военный летчик и вел сестру за руку. Во время обстрела она, конечно, бросилась к дому, он перехватил ее и отвел в бомбоубежище. Поистине «чужих» детей не было.

Прошло 70 долгих лет, но память надежно сохранила события того времени, которое забыть невозможно.

Среди моих детских воспоминаний тех лет устойчиво сохранилось одно, непосредственно не связанное с блокадой. Пленные немцы разбирали завалы нашей школы. Территория школы была обнесена высоким железным забором, состоящим из толстых вертикальных прутьев, между которыми можно было протянуть только руку. Около этой решетки с внешней стороны всегда стоял кто-нибудь и протягивал что-то сквозь решетку. Подойдя ближе, увидела очень худых, усталых людей в полосатых одеждах и в каких-то бесформенных шапках на голове. Лица и их выражения не берусь описывать. Один немец, отчаянно размахивал руками, пытаясь мне объяснить, что ему очень надо. Наконец поняла — ложки. Принесла немного ложек, меня встречали протянутые руки. Дома обнаружили пропажу, но в ответ на мои объяснения мама сказала — да хватит нам и того, что есть. При такой поддержке, подумала, что поступила правильно. Так я думаю и сегодня — 70 лет спустя.

На всех смертных есть Бог!

Венцюлис Леонард Станиславович

главный научный сотрудник
НИЦЭБ РАН
Доктор технических наук,
профессор,
Заслуженный деятель науки и
техники РФ,
Заслуженный работник
высшей школы, Почетный
профессор Военно-морской
академии имени адмирала Флота
Кузнецова Н.Г.,
Действительный член МАНЭБ; РАТ;
ПАНИ, контр-адмирал, ветеран ВОВ.

Воспоминания о подвиге великого города

Великая Отечественная война началась 22 июня 1941 года нападением гитлеровской Германии на Советский Союз. Объявление войны для основной массы населения было неожиданным. Однако, многие ожидали скорых побед нашей армии — непобедимой и лучшей в мире, как об этом постоянно писали в газетах.

События же разворачивались несколько иначе. Гитлеровские войска активно наступали и захватывали один город за другим. И никто не мог предположить, что через три месяца после вторжения немцы окажутся у стен нашего города и через полгода каждый третий житель Ленинграда умрет страшной смертью от истощения.

Вместе с тем подготовка города к обороне осуществлялась довольно активно: формировались бригады местной

обороны, на заводах и фабриках организовывались оборонительные сооружения, витрины магазинов заби-вали досками и мешками с песком, стекла окон повсюду оклеивали крест-накрест полосками бумаги, на стенах появились надписи — указатели бомбо-убежищ и укрытий, на крышах дежурили наблюдатели, на некоторых улицах устанавливались баррикады. В городе появилось много военных, активно передвигалась военная техника, по улицам города часто проносили аэростаты заграждения, которые в период налета неприятельской авиации поднимались над городом на длинных тросах, тем самым препятствуя полету вражеской авиации.

В конце августа и начале сентября начались активные обстрелы и бомбежки фашистской авиацией города с использованием как фугасных, так и зажигательных бомб.

Особо сильный налет на город неприятельской авиацией был осуществлен 9 сентября 1941 года в день закрытия кольца блокады Ленинграда. В этот солнечный день в воздухе вдруг возник неизвестно откуда исходящий гул. Он постепенно нарастал. Вдали появились самолеты, которые летели строем. Наша зенитная артиллерия работала активно, но эффективность ее была невысока. Немецкие самолеты не меняли строй и летели к цели на низкой высоте, видны были даже кресты

на фюзеляжах. Сброшенные с самолетов фугасные бомбы, сотрясая землю, рвались, разрушая дома и дороги, а зажигательные бомбы создавали многочисленные очаги пожаров на разных объектах, поднимавшие огромные клубы дыма в полнеба.

Самый мощный удар фашистской авиацией был нанесен по Бадаевским продовольственным складам, где был сосредоточен большой запас продовольствия. Тогда мы еще не могли предположить, что этот пожар будет основной причиной гибели от голода многих жителей нашего города в 1941–1942 годах.

Правда, при наступлении немцев многие сельские жители бежали в город со своим скотом и продовольствием. В сентябре и октябре 1941 г. это было хорошим подспорьем для жизни. Мне пришлось смириться с гибелью лошади, которую я очень любил и за которой ухаживал — сельский житель из Красного Села, который приехал в наш дом, поделился мясом с соседями, и мне перепал 1 кг.

Именно этот период был самым сложным и тяжелым для ленинградцев. Систематические обстрелы и бомбежки города, минимальная выдача по карточкам продуктов при сильных морозах (до -40 градусов), все это создавало тяжелые условия существования в городе.

Воды, отопления, газа не было. Воду приходилось приносить, тепло в квартире поддерживалось буржуйкой, отработанный газ отводился через трубу, выходящую через форточку. Такое отопление нагревало помещение незначительно, и при прекращении отопления помещение быстро остывало. Утром в квартире была минусовая температура, поэтому спали все вместе, накрывшись с головой несколькими одеялами.

Зима 1941–1942 гг. была самой тяжелой и самой голодной. Весной стало полегче. Морозы ушли, появилась

трава, некоторые виды которой можно было добавить в пищу. Я очень хорошо помню, как моя сестра на один день приехала к нам с фронта и привезла чемодан лебеды. Это был праздник — мама из лебеды сделала суп и лепешки. Все были страшно рады, что за последнее время впервые были сыты.

К осени стало легче, т. к. систематически стала действовать Дорога жизни. Продовольственные пайки были увеличены, и уже не было такого сильного чувства голода. Оставались постоянными только обстрелы и бомбежки.

Однако, несмотря на все трудности войны и те проблемы, которые возникли, город боролся, жил и активно противостоял врагу.

Тому способствовала преданность ленинградцев своему городу и вера в нашу победу.

Однажды, проходя по улице, я увидел пожилого человека, который на моих глазах упал. Я подбежал к нему, желая ему помочь. Он терял сознание. Но перед смертью сказал: «Молодой человек, береги Ленинград». Это был человек, по-настоящему преданный своему городу.

В те трудные дни люди были объединены единой целью — спасти Ленинград, и это придавало им силы и уверенность в нашей победе.

Каждый ленинградец старался быть полезным в этот трудный час своему городу и своей стране.

Все члены нашей семьи также внесли свой вклад в оборону Ленинграда.

Мой старший брат — Венцюлис Генрих Станиславович, 1920 года рождения, студент Кораблестроительного института, с первых дней войны ушел добровольцем на фронт и защищал Ленинград.

15 июля 1941 г. я и моя мама провожали сформированный батальон Ленинградского Кораблестроительного

института на фронт. Добровольцы были оснащены всем необходимым и вооружены винтовками и противогАЗами. Батальон был направлен под Красное Село, где и держал оборону.

Мой брат был командиром противотанкового орудия, участвовал в обороне Красного Села. В одной из атак его расчет уничтожил один танк противника, на второй танк не хватило бронейных снарядов...

В начале 1942 г. брат был ранен и отправлен в госпиталь в Ленинград. Мы с мамой по воскресеньям его навещали. Среди раненых обстановка была хорошая, добрая, и я любил там бывать, тем более, что брат всегда делился со мной своим обедом.

Моя старшая сестра — Венцюлис Люция Станиславовна, 1922 года рождения, с первых дней войны также ушла добровольцем на фронт (против воли нашей мамы) и провела до конца войны, пройдя самые опасные участки обороны города. Два раза была контужена. Начала войну санинструктором роты автоматчиков 21 июля 1941 г., а 1 августа, приняв присягу, стала солдатом 41-го стрелкового корпуса. 2 августа под Лугой корпус был окружен. По лесам и болотам удалось выйти из окружения (200 человек) к Павловску. Однако, в результате навязанного фашистами боя в районе Павловска 18 сентября погибло и ранено было 195 человек. В Ленинград дошли только пятеро.

Я помню тот день, когда она пришла домой. На ней была только одна шинель, все белье и одежда были израсходованы на перевязочные материалы. Однако после этого тяжелого испытания она не пала духом и на другой же день отправилась на призывной пункт.

В этот раз ее в составе 177-й стрелковой дивизии отправили на Невский пятачок, где в сентябре развернулись ожесточенные бои.

Однажды наши солдаты взяли в плен раненого немецкого солдата (языка). В момент перевязки его раны моей сестрой он успел ее ударить перочинным ножом в ключицу. Рану засыпали стрептоцидом, и сестра задремала. И вдруг сквозь сон услышала слова: «Молодец, солдат». Открыла глаза, а перед ней стоит Ворошилов К. Е.

В начале 1944 года ее перевели в оперативный отдел штаба дивизии под Нарвой, где в то время шли тяжелые бои. Однажды взрывом тяжелого снаряда ее контузило и засыпало землей. И если бы не торчащая снаружи рука с поблескивающим браслетом ручных часов, которая и привлекла внимание санинструкторов, ее бы не откопали. Отлежала в медсанбате, затем в госпитале и опять на фронт. Пройдя всю войну, моя сестра до последнего дня своей жизни была предана своей стране, нашему городу и боевому братству людей, защищавших наш город. Она была секретарем общества участников и ветеранов войны. Награждена орденом и медалями.

Глядя на своих старших брата и сестру, я очень хотел быть похожим на них и внести свою (хотя и небольшую) лепту в победу.

В период блокады я был связным при штабе Ленинского района. Основные мои обязанности состояли в доставке из нашего дома сведений по количеству жильцов, количеству находящихся в бомбоубежище и обстановке вокруг дома: разрушениях, попаданиях снарядов, бомб, погибших людей и т. д., сводки передавались два раза в день и после обстрела, бомбежки.

Однажды на угол улицы Егорова и 4-й Красноармейской упал снаряд и меня волной от его разрыва отбросило приблизительно на десять метров. Хорошо, что мне повезло — я приземлился в песчаной куче.

По воздушной тревоге я дежурил на крыше своего дома, где я должен был локализовать зажигательные бомбы. Эти бомбы были небольшого веса — 2~5 кг. Их нужно было брать за стабилизатор, который всегда был холодным, и опускать в воду или зарывать в песок. Таких бомб на крыше дома я погасил три и во дворе — четыре.

Хочу особо отметить поведение моей мамы. Когда звенел сигнал воздушной тревоги, она прижимала меня к себе и говорила: «Лёнюшка, беги на свой боевой пост», а когда я прибежал после тревоги, она меня прижимала к груди, и на глазах у неё были слезы. Тогда, конечно, я многого еще не понимал и говорил: «Ну, что ты, ведь я только сбегал и быстро вернулся». Из этого примера видно, насколько жители Ленинграда были преданы своему городу, как честно и добросовестно выполняли свой гражданский долг перед страной.

Однажды, во время моего дежурства на крыше, в момент воздушной тревоги напротив на семиэтажный дом упала 500-килограммовая фугасная бомба, которая прошла все 7 этажей и взорвалась. Сильной воздушной волной меня отбросило и ударило о дымовую кирпичную трубу, которая и явилась моим спасителем. Если бы её не было, меня бы сбросило с 5-тиэтажного дома. Я был, конечно, весь в крови, но остался жив. В следующие разы, когда я приходил на свой боевой пост, я всегда подходил к ней и благодарил за свое спасение.

Были у меня и особо важные обязанности. На нашей 4-й Красноармейской со стороны Московского проспекта была

построена баррикада с двумя амбразурами, где при штурме гитлеровскими войсками города должны были устанавливаться пулемёты. В этом случае мы, мальчишки, должны были подносить патроны из подвала дома № 2. и к выполнению этих обязанностей мы тоже были готовы.

Был в период блокады у меня и особый случай во время воздушной тревоги, когда мы, трое мальчишек, поймали ракетчика, который посылал ракету в район Варшавского вокзала. Мы набросились на него, повалили и держали до прибытия милиции, которую вызвала девочка. В этом эпизоде нам просто повезло, поскольку ракетчик не мог оказать серьезного сопротивления (у него был ножной протез), а иначе он бы смог свободно расправиться с нами, у него был в кармане заряженный пистолет.

В период блокады были у меня и другие обязанности. Я часто помогал пожилым соседям принести дрова, сходить в магазин за продуктами, принести воду, убрать в квартире.

Однажды был свидетелем в хлебном магазине такого трагического случая. Стояли за хлебом (125 граммов). Одна пожилая женщина получила свой паёк и отошла от прилавка, чтобы положить этот кусочек хлеба в сумку. В это время мальчик лет 6–7 выхватил у неё этот кусочек и сунул его в рот. Вся очередь была возмущена, его повалили и начали бить. А он дожевывал этот кусок. Картина была жуткая. Я как мог его защитил, поднял и спросил, в чем дело. Оказалось, что у него умерла мама и украли карточки. И подобных трагических случаев было немало. Я привел его домой, и моя мама через день устроила его в детский дом.

Моя мама занималась тоже очень важным делом: она была ответственна за пребывание в бомбоубежище пожилых людей и детей. При объявлении воздушной тревоги она открывала бомбоубежище в нашем доме и устраивала всех,

помогала пережить людям эти тяжелые и опасные часы жизни. Нередко приходилось вызывать скорую помощь и другие средства помощи, следить за исправностью воздушной и водной систем и др.

Мой отец был уже непризывного возраста и работал на вагоностроительном заводе им. Егорова. Он был весьма уважаемым человеком и хорошим специалистом. Завод в годы войны выполнял заказы для фронта (товарные вагоны и платформы), а также некоторые военные заказы. Работали рабочие на заводе порой по 20 часов в сутки. Практически были на казарменном положении. К тому же он входил в группу, которая должна была взрывать цеха при входе фашистской армии в Ленинград. К счастью, этого не случилось.

В своих небольших воспоминаниях о блокаде Ленинграда я хотел показать на примере своей семьи, как люди были преданы своей Родине и Ленинграду, как искренне верили в победу и старались приблизить её.

Так жила, боролась и побеждала основная часть нашего общества, которая была воспитана в духе преданности, верности нашему государству и в особо трудные периоды была едина.

Особенно ярко это было видно в день снятия блокады 27 января 1944 года и в день победы 9 мая 1945 года.

Очень дороги мне воспоминания о праздновании Дня Победы, когда наши победители — войска Ленинградского фронта — входили в наш город и проходили под Московскими воротами победы (тогда еще деревянными), в походной одежде, защитных плащах со всеми заслуженными наградами, а приветствовали радостные жители нашего города за их доблесть, мужество и героизм. Это было отражение единства всего народа в борьбе со злом и насилием.

В трудные периоды истории Российской наш народ был всегда един. Это необходимо помнить и в настоящее время, когда наше государство хотят поставить в тяжелые условия существования, забыть уроки войны и переписать историю.

Поэтому в сложившихся условиях нам нужно быть как всегда едиными и выполнять те задачи, которые стоят перед государством, и активно передавать новому поколению высокие качества нашего народа, рожденные в героическом прошлом.

Запас прочности

До сих пор не совсем понимаю,
Как же я, и худа, и мала,
Сквозь пожары к победному Маю
В кирзачах стопудовых дошла.

И откуда взялось столько силы
Даже в самых слабейших из нас?..
Что гадать!-- Был и есть у России
Вечной прочности вечный запас.

Юлия Друнина

Шилин Борис Владимирович
Житель блокадного Ленинграда,
лауреат Государственной
премии РФ,
доктор
геолого-минералогических
наук, профессор,
главный научный сотрудник
НИЦЭБ РАН

Некоторые штрихи из блокадной памяти

Последнее время появилось много книг, документальных фильмов, статей о блокаде. В одной я увидел группу держащихся за руки детей. Мне показалась знакомой их одежда, прежде всего у некоторых зимние шапки с длинными ушами (видимо, это было модно до войны). Вот так же неоднократно шёл и я в 1941–43 гг. в группе нашего круглосуточного детсада по 1-й Красноармейской улице к Измайловскому проспекту. Отличался от детского дома он только тем, что часто отпускали домой тех, у кого были родственники. А у меня были мать, до 1942 года, и тётя.

Приближается 70-летие Победы, и к следующей круглой дате вряд ли останутся очевидцы, сейчас блокадников по разным данным чуть более ста тысяч, тех, кто пережил все 900 дней еще меньше, а тех, кто пережил 900 дней и что-то помнит — совсем мало. Я отношусь к последней категории — в 1941 году мне было шесть лет, и хронология восстанавливается часто по воспоминаниям других.

Никогда ничего не писал кроме научных работ, и решиться на настоящее воспоминание мне позволило чтение значительного количества небольших публикаций о блокаде в «СПб ведомостях», журналах «Звезда» и «Нева». Тем более, что там оказались данные о ряде событий, время которых мне было неясно (например, пожар в начале 1942 г. «Дома сказки» на углу пр. Маклина (ныне, как и ранее Английский пр.) и ул. Декабристов), и я помню как дым и искры пронеслись несколько дней над нашим домом на Маклина 19 на другом углу перекрёстка).

Я хорошо помню, как мы с детской группой ходили зимой на Измайловский проспект смотреть новую форму военных — с погонами. Её ввели в январе 1943 года, значит, я был в детском саду почти два года. Конечно, огромное впечатление произвела «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина (у меня есть экземпляр с подписью Д. Гранина). Особенно его усилило то обстоятельство, что с 1961 года я живу в «Доме академиков» на углу 7-й линии и набережной Невы и хорошо помню одного из героев книги — Г. А. Князева, уже совсем старого человека, сидевшего на солнышке во дворе дома. Но «Блокадная книга» вышла в 1979 году, я был молод и ни о каких воспоминаниях не думал. Хорошо хоть спросил тогда своего дядю-академика И. И. Мещанинова — кто это. И он сказал, что это заведующий архивом Г. А. Князев.

Первые мои внятные воспоминания относятся, скорее всего, к 1938 году, к возрасту трёх лет, потому что я хорошо помню свою бабушку (урождённую Деларю, был такой поэт-лицеист М. Деларю, её дед), она умерла в этом году. Из окна четвёртого этажа был виден огромный двор-сад и ряд высоких, в пять-семь этажей, зданий на противоположной стороне. Комплекс зданий Маклина 19 образовывал большой прямоугольник с открытым северо-западным углом к реке

Пряжке. Здесь стояли дровяные сараи. На противоположном берегу реки находилось топографическое предприятие (о нём есть интересные воспоминания, и была телевизионная передача о создании там детальной топокарты Берлина ещё в блокадные дни). У меня с предприятием связан эпизод осени 1941 года. Мы, мальчишки нашли в подвале ручную сирену воздушной тревоги и начали во дворе и на берегу реки извлекать из неё соответствующие звуки. Через некоторое время мы увидели, как от топографического предприятия выехал на велосипеде военный, который и забрал сирену (мы испугались и своевременно убежали).

Все дома состояли из большого количества однокомнатных и двухкомнатных квартир. Некоторое количество трёхкомнатных квартир выходило на уличные стороны домов, которые имели на один этаж меньше. Так, в здании, выходящим на угол пр. Маклина на внутреннем шестом этаже была настоящая коммуналка — в длинный коридор выходило несколько комнат, кухня была в конце коридора. По сведениям из истории архитектуры эти дома и маленькие квартиры были специально построены в 60-х гг. девятнадцатого века для мелких отставных чиновников и артистов Мариинского и Большого театров. Скорее всего, нашу первую однокомнатную квартиру на четвёртом этаже последнего флигеля получила в 30-е годы моя тетя Нина как врач 2-й психиатрической больницы на противоположной стороне Пряжки. По старому больница Николая Чудотворца была построена в форме буквы Н; в её северо-восточном крыле на втором этаже размещалось отделение «буйных», а на первом этаже приёмный покой. В приёмном покое имелась огромная зала с вцементированной на небольшом возвышении ванной. В ней меня мыли санитарки и «спокойные» пациенты. С больницей связаны все мои блокадные годы. Так, зимой 1941–42 гг. от бомбёжки

пострадало юго-западное крыло. Погибли беспомощные больные. Тётя была «прикреплена» к больничной кухне и приносила кое-какую еду. Запомнился хвост селёдки с капелькой винегрета. С тех пор я люблю хвосты селёдки. В больнице был свой огород, и больные за ним ухаживали — помню, летом 1942 года я получил несколько ягод клубники!!!

Вообще наш район, окружённый заводами, бомбили и обстреливали часто. Бомба разрушила выходящую на улицу Декабристов часть «дома Блока» (квартира не пострадала и сейчас там музей), было разрушено крыло Мариинского театра. Попало несколько снарядов в стены домов, большой снаряд взорвался в середине двора, от него осталось нечто коническое, с чем мы играли.

О голоде. Он начал ощущаться с конца сентября 1941 года. Помню, осенью в гостях в доме на Фонтанке мы пили чай, подслащенный землёй с Бадаевских складов. В самый страшный период декабря-января я жил за счёт детского сада (я считаю, что для нас делали максимум возможного) и подкормки дома, где я довольно часто бывал. Там же в декабре меня чуть не съели — о фактах каннибализма сейчас пишут много. Меня выпустили на воздух, и я стоял у нашей парадной со строгой инструкцией. Проходившая женщина стала уговаривать меня пойти к ней съесть конфету. Тут же из окна рядом высунулась моя мать и стала гнать женщину. Та мгновенно ушла, бормоча что-то о приехавшем лётчике. Пока были какие-то вещи от заграничных отцов, меняли их на жмых-дуранду. До сих пор помню её специфический вкус. Мать моя умерла осенью 1942 года от голода.

Ещё один факт. У меня зимой 1942 года обострилась паховая грыжа и летом меня поместили в больницу Раухфуса. Как сейчас помню палату на первом этаже с окном в довольно зелёный двор. Помню, как меня повезли в операционную и

надели эфирную маску. Операция прошла прекрасно и до 80 лет меня ничто не беспокоит. Запомнилось, что нас кормили в основном американской тушёнкой и макаронами. Тушёнка имела специфический привкус консервантов и даже в условиях блокады быстро надоедала (?!). По-моему, в блокаду детская медицина функционировала хорошо — об этом свидетельствует также моё пребывание в больнице с корью и свинкой, где мне понравилось.

Так как большинство квартир в нашем доме освобождено из-за эвакуации, мы из-за боязни обстрелов перебрались на первый, а затем и второй этаж нашего флигеля. Не совсем ясно, почему мы остались в городе. Видимо это было связано с тем, что мать и отец работали в торговом флоте: мать на радиостанции в порту, отец плавал и 22 июня 1941 года оказался в порту Гамбург на пароходе «Днепр». Команду интернировали и продержали всю войну в крепости, кажется, в Баварии. С интернированными обращались лучше, чем с пленными, и большая часть моряков дождалась прихода американцев. Через три десятка лет некоторые моряки посетили место заключения и нашли кладбище погибших в идеальном состоянии чуть ли не под надзором сына их бывшего надзирателя.

В начале 1944 года мы перебрались на шестой этаж в три комнаты вышеупомянутой коммуналки. Слева от неё был вход на чердак, через который мы проникали на крышу и перелезали с дома на дом. После блокады с крыши мы наблюдали, как взрывали исключительно крепкие стены «Дома сказки».

Ещё некоторые военные штрихи помимо обстрелов, бомбоубежищ, аэростатов заграждения, амбразур в домах, баррикад на улицах (ближайшая от нас перегораживала улицу Печатников). Осенью 1941 года мать работала на радио-

станции в порту на берегу Морского канала. Рядом была пришвартована подводная лодка, куда меня пригласили моряки. Мне внутри очень понравилось, особенно с учётом того, что меня угостили компотом из сухофруктов.

Однажды зимой, будучи на Пряжке, я увидел на довольно большой высоте воздушный бой. Один самолёт горел, конца боя я не видел.

Ещё одна военная примета — появление пленных немцев, которые восстанавливали разрушенные здания и довольно свободно перемещались по городу. Ну и, конечно, большое количество различных боеприпасов, приносимых с мест недалёких боёв. Особенно распространены были винтовочные патроны и артиллерийский порох — «макароны». «Макароны» надо было умело поджечь, и они улетали со свистом, из патронов вынималась пуля и высыпалась часть пороха. Затем пуля вставлялась внутрь патрона, и сверху засыпался порох. Надо было поджечь порох и быстро швырнуть патрон как можно дальше. При удаче в воздухе происходил выстрел. Все эти занятия часто приводили к травмам, а два моих приятеля по двору поехав в Лигово (там проходили линия фронта) подорвались и погибли.

О блокадной школе. Я в школу поступил в 1943 году, то есть на блокаду и войну пришлось первый и второй класс. Учился я в 236 школе на Мойке напротив Новой Голландии, в здании старой гимназии с прекрасным физкультурным залом с канатами, на которых мы могли только повиснуть, но не подняться. Сейчас в здании аудитории Института физкультуры. А во время войны на располагавшимся за школой стадионе шло обучение стрельбе из пистолета — стреляли в глухую стену домов на краю стадиона, а мы подбирали гильзы.

В первом классе давали две тетрадки — в косую линейку (теперь таких нет) и клетку. Когда я потерял одну тетрадь, учительница с выговором дала мне замену. С тетрадками были проблемы, но не такие, о которых я читал в воспоминаниях эвакуированных — там вообще не было тетрадей. То есть какое-то внимание детям в городе уделялось. Нас, например, кормили в школе завтраком. Летом 1944 года моя тётя оказалась в больнице, и наша учительница, Т.Н. Тумбальцева, отвезла меня в детский дом на набережной р. Карповки. Он располагался в старинном особняке, и о нём у меня остались наилучшие воспоминания. Во-первых, прилично кормили, во-вторых, научили играть в шахматы (набор фигур стал моей мечтой, но она сбылась только в 1948 году). В-третьих, был хор, в котором я участвовал. Помню, мы пели в Радиокomitee и в госпитале на островах. Там нас угостили какао с бутербродом! Мне после войны всегда казалось, что госпиталь был в Елагином дворце, но внешне что-то не сходилось. И только когда я в очередной раз смотрел знаменитую комедию «Небесный тихоход», я понял, что госпиталь был в здании дачи Половцева.

Пожалуй, именно летом 1944 года я увидел на площади Л. Толстого первое эскимо. Оно стоило 30 рублей; для сравнения — трамвайный билет стоил 15 копеек. Потом мороженое начало дешеветь, в 1945-м фруктовый брикет стоил 13 рублей, и их можно было накопить. А в 1945 году вернулся отец, и жизнь стала полегче. Сбылась моя блокадная мечта — съесть до отвала сгущёнки. Отец достал мне банку, но я смог осилить только половину.

Но это уже, как говорят, другая история.

Мы понимаем, что когда-то
Придут совсем другие даты.
Не будет больше ветеранов.
Их не останется в живых.
Ни рядовых, ни офицеров,
Ни покалеченных, ни целых,
Ни благородных генералов,
Ни бывших зеков рот штрафных.

Кто им потом придет на смену?
Кого придется звать на сцену
Чтоб окружить своей заботой
Когда нагрянет юбилей?
Подряд уходят ветераны.
Им обдувает ветер раны,
Их ордена лежат забыты,
А имена горят сильнее.

А, может, это всё логично?
Но очень больно, если лично
Ты с этим связан был и даже
Не понимал тогда всего.
Мне раньше искренне казалось,
Что папе много жить осталось,

Но уж который День Победы
Мы отмечаем без него.

Петр Давыдов

МЫ В ДОЛГУ ПЕРЕД НИМИ

Отгремят салюты и парады.
Тем, кто жив, достанутся награды.
Скажут речи громко, с чувством долга,
А потом забудут всех надолго,
А потом забудут всех надолго.
Сколько их осталось ветеранов?
Сколько их не стало слишком рано?
И сейчас никто не скажет точно
Сколько судеб разорвало в клочья!
В памяти еще грохочут войны.
Временами это очень больно...

В мае шумно праздник отмечали,
А теперь душа моя в печали...
Я к тебе на кладбище приеду,
Выпить, папа, За твою Победу.

Петр Давыдов

Галина Дмитриевна Титова

Война глазами ребенка из Соломбалы

Война началась, когда мне только что исполнилось два года, а братику Виталию было всего три месяца. Тем не менее, моя мама, умевшая хорошо стрелять, сразу же сделала попытку уйти добровольцем на фронт, доверив мое и брата воспитание своей младшей сестре. Но ее желание военкомат не поддержал. Мама и ее сестра росли беспризорниками, нищенствовали. Их родители — сельские учителя — умерли от голода во время английской интервенции на Севере в начале 1920-х. Несмотря на трудности времени, сестры получили нормальное образование.

Моя память хранит воспоминания о войне с трехлетнего возраста. Тогда мы жили в самом старом районе Архангельска — Соломбале. Город постоянно бомбили. До сих пор не забыла характерный звук от полета немецких бомбардировщиков. Он наводил ужас на нас. Гитлеровцы уничтожили много жизнеобеспечивающих объектов в городе. Помню зарево от пожаров в результате бомбежек. Город того времени был по преимуществу деревянным, и огонь быстро уничтожал здания. Особенно большой пожар от попадания бомб был на электростанции и в военном госпитале.

В мою обязанность при налете фашисткой авиации входило прятать маленького братика в бомбоубежище. Но оно было далеко от дома, поэтому я предпочитала сарай с дровами вблизи дома. Помню сообщения от Советского Информбюро о положении на фронте, которые мы внимательно слушали вместе со взрослыми, ожидая добрых вестей с фронта. Но чаще приходили плохие вести — в виде похоронок. До сих пор боюсь птичек, влетающих в подъезды

или садящихся на подоконники, поскольку женщины считали это дурным признаком: кто-то из жильцов дома получит известие о гибели на фронте близкого человека. Увы, эта примета тогда часто сбывалась.

Братик мой любил петь, и мы с ним ходили по больницам, где лежали раненые. Он исполнял преимущественно военные песни. Любимая из них: «Раскинулся фронт так широко, снаряды и мины летят...» вызывала слезы на глазах больных. Ему посоветовали: «Мальчик, чего бесплатно поешь! Собирай денежки и помогай маме!». Он поверил, что может помочь маме, стал просить у меня шапку для сбора монет и очень плакал, когда я объявила, что раненым помогать надо бескорыстно.

У моей бабушки Ульяны (по отцу) было четыре сына. Воспитывала их она одна, поскольку мой дед Григорий погиб на Гражданской войне. Всех сыновей призвали в армию. Отец мой был старшим. Перед войной он отслужил в кавалерийском полку и до конца жизни вспоминал своего боевого друга — коня Орлика.

Второй по старшинству брат Михаил перед войной окончил Ленинградское артиллерийское училище и жил в Ленинграде. По рассказам родителей, он был большим романтиком, увлекался театром и поэзией, девушками, писал стихи. Во время войны его статьи, проникнутые уверенностью в победе, часто появлялись в газете «Красная звезда». На фронте он командовал артиллерийской батареей. Погиб в 1943 году в возрасте 27-и лет при форсировании Днестра, освобождая от фашистов Западную Украину. Я помню горе

Родители. 1940 год

1942 год

матери, когда принесли похоронку о его гибели. Мы с братом навзрыд плакали вместе с нею, поскольку в своих письмах дядя Миша обязательно много строк посвящал нам, называя нас «моими орликами». Детей у него не было, а мы почитали его, как и отца.

Младшего брата отца — Даниила в самом начале войны призвали на фронт в возрасте 18-ти лет из деревни Вальтево Пинежского района. Он был необучен военному мастерству, плакал, прощаясь с бабушкой, и говорил, что погибнет сразу, поскольку

не умеет стрелять. Так и случилось. Даниил погиб в первом же бою.

Всю войну прошел третий брат Никанор. Вернулся с войны контуженным, женился на сельской учительнице. Они родили 10 детей: 6-х мальчиков и 4-х девочек. Как говорила тетюшка, за всех погибших. Все дети получили образование и состоялись по жизни.

Мой отец, получив ранение, вернулся с войны до ее победного завершения. Хорошо помню День Победы, как он плакал по всем погибшим на войне. Мама в это время

1943 год

находилась в роддоме — в семье родился третий ребенок. Его назвали Михаилом в честь погибшего на войне всеобщего любимца моего дядю Мишу.

Как хочется, чтобы нынешнее поколение избежало ужасов войны, доставшихся нашим отцам, матерям, бабушкам и дедушкам!!!

Виктор Иванович Биненко

***Победа со слезами на глазах
(по воспоминаниям родителей и
родственников — участников ВОВ)***

Освобождение нашего города от блокады, продвижение к победе в кровавой войне 1941–1945 гг. с Германией и её союзниками можно рассмотреть и на частных примерах, связанных с судьбами и жизнями моего деда — Цветкова Виктора Леонидовича (1898–1942, погибшего на Невском пятачке), отца — Биненко Ивана Ефимовича (1913–1979), прошедшего всю войну, мамы — Биненко (Цветковой) Галины Викторовны (1921 г. рождения, ещё здравствующей и хорошо помнящей о многих трагических событиях тех военных лет во время блокады и на фронте). Моя бабушка, тётя и другие близкие родственники работали и боролись за свою жизнь и города в течение 872 дней блокады. Трое из них были похоронены на Пискаревском кладбище, но и они внесли свою толику усилий и стойкости в нашу общую победу над врагом. Даже мне, рождённому в 1944 г., пришлось в эмбрионном состоянии участвовать в полном освобождении нашего города от блокады.

Дедушка

Мой дед в предреволюционные годы служил матросом в 4-м Балтийском экипаже в Петрограде и случайно стал борцом с царским режимом. Ночью во время дежурства писал письмо к отцу в Ярославль о своём житие-бытие и не заметил, как к нему подкрался офицер, который ударил его хлыстом, а тот в свою очередь сгоряча ответил на удар ударом, за что

Галина Викторовна, Леонид Константинович, Кира Викторовна,
Виктор Леонидович и Наталия Антоновна Цветковы в 1939 г.
Ленинград

должен был быть судим военным трибуналом, но смог сбежать из под стражи и стал нелегалом — скрывался всеми доступными ему способами от наказания. Долго скрываться не пришлось, произошла февральская революция, и он превратился из подсудного в «карбонария» и участника политических брожений. Тем не менее успел познакомиться и влюбиться в мою бабушку и в октябре венчался с ней, а уже 25 октября вечером принимал участие в октябрьском перевороте — в захвате Зимнего дворца. Медовый месяц вылился в чехарду актов революционного беспредела и первых семейных испытаний. Тем не менее, отрезвление произошло достаточно быстро, и понимание того, что он связался не с теми ребятами (хотя и был знаком с некоторыми видными участниками тех событий), и понял, что семья как раз та ценность, за которую надо держаться и бороться. В последующие тяжёлые годы гражданской войны он служил на крейсере «Аврора», бывая периодически дома. Молодая

семья пыталась спасти подброшенного к подъезду их дома на 4-ой Рождественской мальчика младенца, но безрезультатно, «военный коммунизм» был на марше. Время было голодное. В 1918 г. уже после подавления Ярославского мятежа его родной 15-летний брат вышел из дома в фуражке гимназиста и был застрелен пьяным красноармейцем. Последние иллюзии рассеялись по поводу построения новой жизни на основе насилия и кровопускания. В 1920 г. мобилизовался и поэтому последствия Кронш-тадского восстания его не коснулись. В 1920 и 1922 гг. в семье родились дочери, которые жили в родительской любви в двух 12м² комнатах коммунальной квартиры вместе с собакой и многочисленными птицами, чирикание и пение которых поддерживали мир и покой в семье. Дед делал для них большие клетки и обязательно делал для них «небо» — для создания иллюзии свободы.

В конце декабря 1941 г. был призван в армию и в качестве краснофлотца через некоторое время в январе 1942 г. попал на левый берег Невы — на Невский пятачок (2км по фронту и 0.6 км в глубину), откуда прислал несколько писем, одно из которых сохранилось. Не без юмора писал, что последнюю пуговицу с портков потерял, сообщал о том, что к ним прибился мальчонка, и он советовался с женой — моей бабушкой, а не усыновить ли его нам. Правда, как чуть позже выяснилось, когда паренька застали, пишушим письмо своей матери — он здесь в лютых условиях передовой пытался спастись от голода и холода. О судьбе мальчика можно только догадываться. А, что касается деда, то уже через три месяца пришло извещение, что он пропал без вести. На Невском пятачке, по данным самой «правдивой» советской прессы, погибло 200 тыс. человек. Погрешность в +100 тыс. чел. вполне возможна.

Бабушка

Бабушка института благородных девиц не кончала, но была очень доброй, религиозной, но без фанатизма и на ней держалась вся семья. Ей было некогда принимать участие в бурных событиях того времени, в отличие от её подруги детства М. А. Соболевой, которая была даже комиссаром бригады в гражданскую войну. В 1934 г. она работала в Смольном и была репрессирована по делу С. Кирова, но бабушка поддерживала и помогала ей до решения внесудебных органов ОГПУ — НКВД. Подруга была сослана в лагерь, а потом на поселение в Соликамск. В конце 60-х годов после реабилитации вернулась в наш город и как одинокая, больная женщина, а главное — за революционные заслуги — была помещена в дом старых большевиков на Крестовском острове. Бабушка её там навещала, иногда туда отправляла и меня с женой. Попытки доказать ей, что И. Сталин был преступником, по приказу которого были уничтожены, репрессированы миллионы людей были безрезультатными. Усомниться в догмах марксизма—ленинизма—сталинизма означало для нее признать, что ее жизнь прошла зря.

Во многом благодаря бабушке и её скромным запасам сухарей, соли, спичек, мыла удалось чуть-чуть облегчить жизнь свою и дочек в первый месяц блокады города. Другая ещё более важная причина выживания в блокаду было то, что коммунальная квартира была всего на 4 комнаты и ей удалось сплотить жильцов, была взаимная поддержка и не было стукачества. Хотя между двумя семьями были серьёзные противоречия, о которых я узнал через многие десятилетия.

Отсутствие электричества, водопровода и канализации, голод и холод привёл к смерти прабабушки, а брат моей крёстной обморозил пальцы ног, которые были ампутированы. На фоне других трагедий блокадного города — жуткой

смертности жители нашей коммунальной квартиры смогли дожить до полного освобождения города от блокады.

Во время блокады бабушка и мама устроились работать на завод Ломоносова в кочегарку и им приходилось ходить пешком голодными и слабосильными от 4-ой Советской туда и после работы обратно. А расстояние только в один конец было не менее 9 км. Младшая сестра хорошо пела, ходила по госпиталям и радовала своими песнями раненых.

В начале 1942 г. произошла трагедия — бабушка потеряла продовольственные карточки, и всё могло плохо кончиться, но через несколько дней они нашлись за сундуком, и была радость возможного спасения.

В это же время у бабушки началась цинга, которая выражалась в почернении ног, у её родной сестры (она потеряла двух своих сыновей) эта болезнь проявилась в почернении лица вокруг глаз. Работать уже не могла, но каким-то чудом дотянули до весны—лета. Потом она устроилась на работу в парикмахерскую на Староневском проспекте. На Мальцевском рынке что-то можно было обменять, приобрести из продуктов питания за вещи, продавались там и «котлеты», но от них люди шарахались.

Бабушка стоически перенесла известие о гибели мужа, а потом и уход старшей дочери на фронт. Совершенно фантастически звучит, но в нашей семье блокаду пережил маленький белый шпиц по имени «Трильби», который ел и дуранду, и отварные кожаные ремни и то, что можно было приготовить из клейстера. Так им всем и удалось дожить до полного снятия блокады 27 января 1944 г. Число погибших и по прошествии 70 лет всё уточняется и близко к 1 млн. человек!

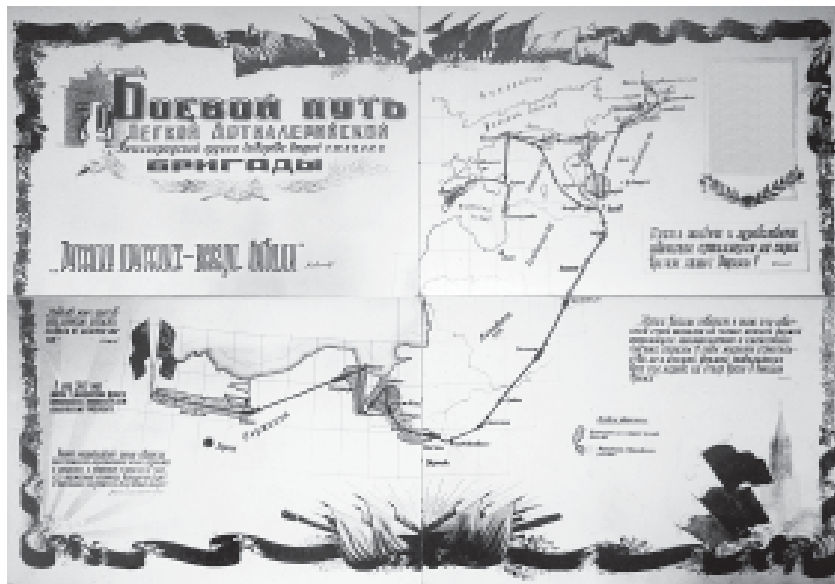
Именно бабушка, отец и мама, правда, не очень охотно, но отвечали на мои расспросы о нашем прошлом и о прожитых годах в ходе ВОВ.

Отец

Он родился на Украине в тех же местах где и родился Т. Г. Шевченко, был его внучатым племянником по линии его родной сестры. Родители отца были зажиточными крестьянами, имели дом под железной крышей, что и в те, и даже советские времена было редкостью. Они были раскулачены и сосланы всей большой семьёй в г. Сталино (теперь Донецк) на шахты. Отцу пришлось прибавить себе три года, чтобы попасть на работу в шахту и помочь семье выжить. Чуть позже на Украине была проведена коллективизация и был устроен голодомор, так что работать на шахте — это был не самый плохой способ выживания.

Отец смог там окончить рабфак горного института, любил математику, что ему пригодилось как артиллеристу в будущем, был призван в армию. Служил в Мытищах под Москвой в артиллерийском гаубичном полку. В соседнем дивизионе служил Яков Джугашвили, сын Сталина, и артисты Большого театра не редко там давали концерты. С началом войны их воинское подразделение направили на фронт, где оно попало в окружение. Отцу и некоторым другим бойцам в отличие от Я. Джугашвили, который попал в плен к немцам, удалось вырваться к своим. После участия в обороне Москвы и московского наступления отца направили на Ленинградский фронт, где августе 1943 г. в районе Невской дубровки была сформирована 79-я лёгкая артиллерийская бригада (в последствие ордена Суворова второй степени). Здесь он познакомился с мамой, которая служила связистом —

Боевой путь лёгкой артиллерийской ленинградской ордена Суворова второй степени бригады, в которой служили мои родители

передавала артиллеристам координаты целей, а в случае повреждений восстанавливала телефонную связь. Бригада была направлена на Пулковские высоты и в принимала участие в освобождение Красного села, с боями двигалась в сторону Эстонии и была в числе тех, кто освобождал г. Таллинн, потом о. Сааремаа, Кёнигсберг и завершила свой боевой путь в Германии встречей с войсками союзников-англичанами. Из тех, кому посчастливилось пройти весь боевой путь бригады, осталось к концу войны от силы 200–300 человек. С некоторыми из них мне пришлось общаться, когда в 70-годы стали отмечать день Победы, и они ездили по

местам наиболее кровопролитных и памятных мест для них боёв на Невском пятачке, в Войсковицы Гатчинского района.

Отец был умным, порядочным человеком, очень любил жену и троих своих сыновей, да и всех родственников, всегда оказывал помощь сослуживцам, курсантам, коллегам по работе. Достаточно вспомнить, что в 1944 г. смог вырваться с фронта за пару дней до моего рождения чтобы зарегистрировать свой брак с мамой, а сын смог бы иметь полноценную семью. И таких примеров можно было бы привести без чести. Уже после войны в наших двух переполненных комнатах появился его младший брат с Украины, которого он взял к себе, чтобы дать ему нормальное образование и путёвку в жизнь.

Военные в соответствии с уставом приветствуют друг друга, прикладывая руку к головному убору, но как я замечал по отцу, после войны не было принято боевым офицерам отдавать честь сине-фуражечникам. По-видимому, понятие чести у них было разное.

Победа в ВОВ была одержана, но стоила нашему народу потерей 28 млн. человек!

Мама

Мама и её сестра была призвана в армию в июле 1942 г. В военкомате может быть учили, что их отец погиб, решили, что из них можно призвать одну и предложили самим выбрать, кто же из них пойдёт в армию. Мама решила, что раз она старшая, то она и пойдёт на фронт. Оказалась на сборном пункте в Невской дубровке, пыталась найти следы пропавшего там отца, но без результата. Принимала участие в прорыве блокады города в январе 1943 г., была ранена. Осенью того же года встретилась с отцом.

К 30-ти летию победы в ВОВ были напечатаны конверты в память о героях СССР, в том числе о старшем сержанте А. А. Манине

Воевала на Пулковских высотах, освобождала Красное село в 1944 г. Над молодыми девушками — связистками подчас проводили жесткие эксперименты. На ночь перед их землянками устанавливали труп замёрзшего с автоматом фрица. Тем не менее, они свой воинский долг исполняли должным образом. 25.01 1944 г. артдивизион 76-мм пушек, после освобождения Красного села, был направлен в Гатчину. На дороге вблизи п. Войсковицы колонна встретила с колонной немецких танков. Ст. сержант А. А. Манин первым успел развернуть свою пушку и подбить первый танк. Посмертно ему было присвоено звание героя СССР. В результате этого боя танки были остановлены, но из 151 бойцов осталось 28 человек, меня можно считать 29-ым. Пушка А. А. Манина была восстановлена и находится в экспозиции артиллерийского музея в Санкт-Петербурге.

В конце мая 1944 г. мама была мобилизована по причинам не боеспособности. Всю свою жизнь она посвятила

отцу и воспитанию трёх сыновей, внукам и даже успела заработать на пенсию.

Помню хорошо 5.03.1953, когда умер И. Сталин, мама в захлёб рыдала — как же мы без него родимого жить будем?! На что папа очень зло сказал: «что он на этом свете задержался и пусто место не бывает». И наверное впервые я задумался о таком явном не соответствии взглядов родителей. Но в школе № 166, которую я заканчивал, были хорошие учителя, в том числе молодая учительница истории (двоюродная сестра Ладыжинской), которая в период «оттепели» много интересного рассказывала так, что у нас возникали радужные надежды на будущее.

Приватные воспоминания моих родителей о годах военного лихолетья подтверждают очевидную для нас истину, что наша «победа была со слезами на глазах», но и было ощущение огромного счастья, что выжили и победили.

Приложение 1

Биненко Иван Ефимович 1913 г.р.

Звание: лейтенант

в РККА с 1939 года Место призыва: Чистяковский РВК,
Украинская ССР, Сталинская обл., Чистяковский р-н
№ записи: 17300589

Архивные документы о данном награждении:

I. Приказ(указ) о награждении и сопроводительные документы к нему

- первая страница приказ или указа
- строка в наградном списке
- наградной лист

II. Учетная картотека

- данные в учетной картотеке

Орден Красной Звезды

Орден Отечественной войны II степени

Звание: капитан

в РККА с 1939 года Место призыва: Сталинский ГВК,
Украинская ССР, Сталинская обл., г. Сталино
№ записи: 35342468

Орден Отечественной войны I степени

Орден Красного Знамени

Приложение 2

Биненко Галина Викторовна

Год рождения: __.__.1921

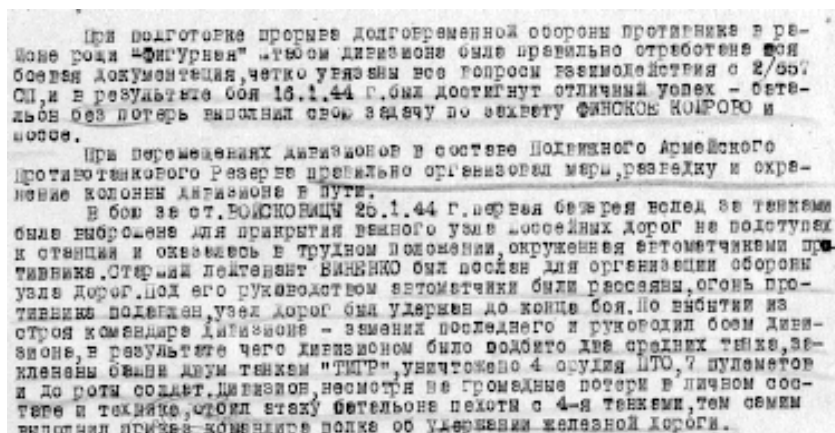
место рождения: Ленинградская обл., г. Ленинград

№ наградного документа: 45

дата наградного документа: 01.08.1986

№ записи: 1518044465

Орден Отечественной войны II степени

Александр Иванович Шульга

“Но баранку не бросал шофер”

Эх дорожка фронтовая!
Не страшна нам бомбежка любая,
Помирать нам рановано —
Есть у нас еще дома дела.
(М. Бернес)

Я расскажу о воспоминаниях моего отца о Великой Отечественной войне.

Шульга Иван Никифорович родился 24 января 1916 года в станице Гривенской Краснодарского края в большой казацкой семье, был восьмым ребенком. В армию был призван в 1937 году. Успел поучаствовать в Финской кампании 1939-40 годов.

В июне 1941 года по окончании дивизионной школы саперов получил под командование взвод и прибыл в г. Таураге (Литва). 20 июня, закончив перевозить боеприпасы со складов по позициям, вернулись в 2 часа ночи в казарму. А в 4 часа началась бомбежка. Лестница была разрушена, и пришлось прыгать в окно. Была полная неразбериха. Отец, не найдя своих бойцов, начал отступление вместе с оставшимися в живых. Отремонтировав одну из брошенных машин, загрузили ее отступающими солдатами и двинулись в сторону города Елгава, но вскоре их остановил офицер. Бойцов направил на переформирование, а машину с водителем на передовую возить снаряды.

В одну из поездок на машину налетел самолет. Отец самолет не слышал, но по фонтанчикам пыли впереди

машины догадался, что его обстреляли. Видя, что самолет пошел на разворот, отец свернул на поле и завернул за оказавшуюся неподалеку скирду соломы. Так они «играли в прятки» пока у самолета кончились боеприпасы или бензин и фашист отстал. На следующий день он снова попал под бомбежку. В этот раз укрылся в воронке, а бомба попала в машину с боеприпасами.

И снова отступление. Уже в Риге отца после переформирования определили водителем-мотористом в редакцию армейской газеты «Ленинский путь» 8-й армии Ленинградского фронта.

За баранкой было всякое, были случаи и чудесного спасения. Как-то раз отец ехал по опушке леса в колонне машин, а слева — поле ржи. В машине большая группа офицеров — военных корреспондентов. И вдруг во ржи встает большая группа немецких автоматчиков. Я — говорит отец, уже простился с жизнью, но они пропустили мою машину последней, а остальные были уничтожены. Потом уже офицеры благодарили меня и говорили, что тебя Ваня спас ангел-хранитель, а ты спас нас.

Под г. Тапа, по наводке диверсантки, их сильно бомбили. Отец получил контузию и осколок в ногу. Когда уже лежал на операционном столе, немцы прорвали оборону, и пришлось, орудя палкой педали вместо ноги, снова отступать. А осколок остался в ноге до сих пор и правильно информирует отца о смене погоды. Уже к концу сентября отец очутился на Ораниенбаумском пяточке, где и провоевал до ноября, откуда их морем эвакуировали в Ленинград. (В конце 80-х годов прошлого века мы с отцом побывали в пос. Большие Ижоры и

Иван Никифорович
Шульга

нашли полуразрушенное кирпичное здание, где, по его словам, был пункт обороны). Штаб и приданная ей редакция армейской газеты находились в пос. Колтуши. Уже устанавливалась холодная зима 1941-42 гг. Начиная с января, машина отца часто откомандировывалась на перевозку жителей через замерзшую Ладогу. Удавалось за сутки делать по несколько рейсов, а когда наступало время отдыха, то ночевали прямо в машинах. При этом своими шинелями укрывались моторы. Назначался дежурный, который ходил по машинам и прогревал моторы. А утром снова в рейс.

В начале февраля 1942 года армия и приданные ей части были передислоцированы по Ладоге на Большую землю и заняли оборону напротив Синявинских высот. Отец по-прежнему часто откомандировывался в Ленинград, как на перевозку людей, так и разных грузов, в основном продовольствия. Рассказывает, что при въезде в город он получал бумажку с адресом на вывоз трупов жителей на Пискаревское кладбище и только потом мог ехать по делам. (Когда в ноябре 2013 года снимался документальный фильм «Непокоренные», он указал на рвы № 6 и 7 справа от центральной аллеи Пискаревского кладбища, куда возил трупы.) Вспомнил, что однажды попал на улице города в кадр военной кинохроники, которую потом видел на экране. Правда, видел только номер своей машины, а сам был под машиной, ремонтируя ее.

Потом была Синявинская операция, а потом в январе 1944 прорыв блокады. 8-я армия с боями дошла и освободила Эстонию, где и осталась охранять побережье. Там же и встретили день Победы. А затем снова в путь — на Восток, на войну с Японией. Но доехали только до Новосибирска, т. к. все закончилось без их участия. Помогли местным колхозам с уборкой урожая и вернулись в Эстонию. В сентябре 1945 года Управление армии расформировали и отец демобилизовался и, спустя почти 9 лет, вернулся из армии домой.

До 1976 года работал водителем в разных организациях: в рыбколхозе им. Калинина, в школе, где учил детей вождению, в т. ч. и меня, в пожарной части, где стал отличным пожарным, предотвратив крупный пожар в камышитовом заводе. Потом вышел на пенсию и воспитывал внуков, которых у него пятеро, и правнуков, которых у него семеро. В 2002 году получил бесплатно, как инвалид войны, а/машину «Ока», которая и сейчас, много раз ремонтируемая, бегает по дорогам Кубани. Отец, несмотря на свои 99 лет, по-прежнему безупречно водит автомобиль. И при водительском стаже в 77 лет не было ни одной аварии (!).

Послесловие. Об Иване Никифоровиче Шульге снят был в 2014 г. и показан по 1-му каналу документальный фильм. «Аргументы и факты» № 19 от 2014 г. опубликовали материал «По Дороге жизни».

Анна Юрьевна Скорик

О военном детстве отца
(по воспоминаниям Ю. И. Скорика)

Война гуляет по России,
А мы такие молодые!
Давид Самойлов

Иногда бывает так, что когда уходят близкие люди, понимаешь, что знаний о них не хватает, потому что, пока они живы, слушаем мы их недостаточно внимательно. Сейчас, вспоминая то, что рассказывал мне мой отец Скорик Юрий Иванович о своём военном детстве, я понимаю, что на многие детали рассказов — имена, даты, названия — я не обращала достаточно внимания, запоминая лишь общий смысл и образы. А, между тем, именно эти подробности создавали основу рассказов, канву, к которой крепились события и размышления автора.

О Великой Отечественной войне от своего отца я слышала очень много и слушала эти рассказы до последних недель его жизни. Когда я была ребёнком, и мы жили на Стрелке Васильевского острова, обычный маршрут наших прогулок проходил по набережной Невы от Менделеевской линии до Горного института. Часто после выхода из дома я просила: «Расскажи мне про войну или про царей!». И всю дорогу слушала либо то, о чём в советское время писали крайне мало — выдержки из книг о личностях русских царей, либо рассказы из папиной военной жизни, о чём я сейчас постараюсь вспомнить. Когда я стала взрослым человеком, папу уже не приходилось просить рассказывать о войне, он

сам часто уходил в далёкие воспоминания...

Летом 41-го года мой папа, которому тогда было семь с половиной лет, отдыхал со своей мамой, моей бабушкой, Татьяной Алексеевной где-то далеко от Ленинграда (не помню точно, где именно, возможно, на Украине). Отец моего папы, мой дедушка Иван Лаврентьевич, оставался в Ленинграде. Когда началась война, он написал бабушке, чтобы они ни в коем случае не возвращались в Ленинград. Во многом благодаря этому мудрому решению мой отец выжил в страшные военные годы, избежав Ленинградской блокады.

Татьяна Алексеевна уехала со своим сыном на небольшой разъезд Плаутино (Новохопёрского района Воронежской области, к юго-востоку от Воронежа). Там находилась небольшая деревенька, жизнь всего населения которой была так или иначе связана с проходившей через неё железной дорогой. Дедушка, к которому привезли семилетнего Юру, тоже работал на железной дороге. Рядом находилась станция Поворино, железнодорожный узел, откуда расходились пути на Иловлю, Лиски, Грязи и Балашов. Как и любой железнодорожный узел, Поворино подвергалось в годы войны ожесточённым бомбёжкам. Часть бомб доставалась и разъезду Плаутино. Когда фашистские бомбы уничтожили небольшой дом-мазанку, где жил Юра с мамой и родственниками, дедушка вырыл неподалёку землянку, и семья перебралась туда. Когда папа мне рассказывал о жизни в землянке, я в детстве представляла, как там было темно, грязно, холодно и сыро. Но папа, видимо, не замечал в те

годы проблем подземной жизни. Он говорил спокойным тоном о разнообразных усовершенствованиях, которые придумал дедушка для более комфортной жизни (труба для печки, керосиновое освещение), и я понимала, что эта землянка была тогда для него таким же настоящим домом, убежищем от снега и холода, как для нас городские комфортабельные квартиры.

Как-то раз в конце лета 41-го года Юра с мамой и несколькими женщинами из деревни пошёл за ягодами. Дорога к лесу шла через поле, и в это время начался очередной налёт фашистской авиации на Поворино. Лётчик одного из штурмовиков заметил бегущих через поле людей, направил самолёт ниже и стрелок принялся расстреливать их из пулемёта. Женщины развернулись, кинулись бежать обратно к проходившей неподалёку лесополосе и вскоре скрылись под деревьями. Но Татьяна Алексеевна в состоянии паники не сообразила, где безопаснее, и, как её не звали подруги поворачивать назад, побежала с сыном вперёд через поле. Папа рассказывал, что он знал, что бежать надо не прямо, а влево-вправо, зигзагом, но мама в панике бежала вперёд, и он вместе с ней. Когда Юра поднял голову вверх, он увидел смотрящего на них из самолёта фашистского лётчика-стрелка в больших очках. Выражение лица этого человека было равнодушным; он, спокойно нажимая на гашетку, целенаправленно расстреливал бегущую по полю женщину с хромающим ребёнком. Человек в самолёте просто делал свою работу, ему не было дела до того, в кого и зачем он стреляет. Сделав несколько кругов над полем, штурмовик улетел, не причинив людям физического вреда. Все, целы и невредимы, вернулись домой. Но равнодушный взгляд фашистского лётчика-убийцы мой отец помнил и в пожилом возрасте. Сейчас, вспоминая эту историю, я задумываюсь над тем, не является ли свидетельством вырождения человечества

способность людей массово, просто так, не для самозащиты, убивать себе подобных?

Живущие на разъезде мальчишки в военное время занимались тем же, чем занимается большинство мальчишек в мирное время: лазали куда попало, находили и часто притаскивали домой необычные предметы, которые иногда оказывались осколками бомб или снарядов, частями упавших самолётов. Дети войны очень хорошо знали не только как выглядели наши и фашистские самолёты, но умели задолго до их появления над головами распознавать приближающиеся самолёты по звуку. Отец мне подробно описывал конструкцию и звуки всех воевавших тогда самолётов, с тридцать девятого по сорок пятый годы, звуки эти он помнил всю жизнь.

Деревенская детвора много времени проводила у железной дороги. На разъезде часто останавливались военные эшелоны, из них выходили перекурить солдаты. Солдат окружали мальчишки, которым всё было интересно: от событий на фронте до военной формы. У многих солдат дома оставались свои малыши, видимо, поэтому военные из эшелонов старались приласкать крутившихся рядом детей, которые иногда ничего не знали о судьбе своих отцов на войне.

Моему папе с тех времён запомнился немолодой мужчина, который после ранения не мог воевать и служил в железнодорожных войсках. Он был заядлым курильщиком, а курить было нечего. Мужчина встречал очередной эшелон и заговаривал с красноармейцами. Когда кто-то называл свой родной город, мужчина радостно восклицал:

— Ах, так ты из...? Так и я оттуда!

Солдат обычно спрашивал:

— А ты с какой улицы?

— Я с Ленина! — отвечал хитрый человек, догадываясь, что в любом населённом пункте Советского Союза должна была быть улица Ленина.

— А я с... — называл красноармеец свою улицу и делился воспоминаниями и табаком.

Мальчишки каждый раз с интересом ждали, не догадается ли кто-нибудь из солдат, что его обманывают. Но так велика была тоска людей о доме и мирной жизни, и так замечательно было встретить земляка, что ни разу никто не усомнился в словах железнодорожника.

Иван Лаврентьевич, отец Юрия Ивановича, оставался в Ленинграде. Он тогда преподавал в Ленинградском университете на биологическом факультете. В армию его не призвали, и он пошёл туда добровольцем. Иван Лаврентьевич был очень высокого роста, ему не хватало пайка, обычного для бойцов Ленинградского фронта, и вскоре у него началась дистрофия. К счастью, его перебросили воевать на Волховский фронт, где ему не грозила смерть хотя бы от голода. Письма от него приходили редко, и мой папа в рассказах про этот период своего детства об отце не упоминал.

Когда в 1942 году линия фронта стала приближаться к Воронежу, Татьяна Алексеевна поняла, что пора уезжать из Воронежской области. Больше родственников в неоккупированных районах у нашей семьи не было, и ехать пришлось по принципу «куда глаза глядят», лишь бы спастись. В итоге долгих скитаний Юра с мамой оказался где-то в Средней Азии (не помню названия местности). Это был небольшой городок, где Татьяне Алексеевне удалось найти какую-то работу и снять комнату для жилья. Помимо Юры с мамой, там жило очень много эвакуированных из европейской части России людей. Жили очень скученно, у всех — свои привычки и особенности, поэтому часто возникали споры и скандалы между соседями. Восемилетний Юра, разумеется, в них не участвовал, но часто переживал за свою маму, которая скандалить не привыкла и не умела.

Основное папино воспоминание того периода жизни — это голод. Денег почти не было, еды тоже. Папа рассказывал, что наибольшие мучения у него возникали, когда некоторые соседи готовили еду прямо на улице, на открытом огне. Запах пищи распространялся по всему двору, где гуляли дети из разных семей. Они подходили к котлу, молча смотрели на еду и нюхали аромат. Иногда кому-то перепадал небольшой кусочек — это был праздник! Через несколько месяцев у Юры стали болеть и отекать суставы на руках и ногах. Местный врач сказал, что это — обычное явление для эвакуированных, и называется оно «картофельная болезнь». Возникла она у тех детей, кто питался на протяжении длительного времени только картофелем. Лекарство в этом случае назначалось одно — хорошее питание. Доктор грозил, что если не разнообразить рацион, ребёнок вскоре не сможет ходить совсем. Татьяна Алексеевна стала обменивать на еду или продавать вещи, которые удалось взять с собой в эвакуацию, и покупала мясо и фрукты. Через некоторое время здоровье Юры существенно улучшилось.

Когда европейская часть России стала постепенно освобождаться от немецко-фашистских войск, Татьяна Алексеевна с моим папой вернулась в Воронежскую область. Там их нашёл Иван Лаврентьевич. Он на тот момент служил в артиллерийской части. Папа вспоминал, как его отец рассказывал о том, что случайно остался жив в одном военном эпизоде. Произошло это так. Иван Лаврентьевич был заместителем начальника артиллерийской колонны, которая передвигалась на новые позиции по недавно освобождённой территории. Он ехал в головной машине, а начальник подразделения — в последней. Вдруг на обочине дороги показался человек, который размахивал руками, привлекая внимание. Оказалось, он пробирался через лес к своей части, и увидел

за лесом прорвавшиеся сквозь линию фронта фашистские танки. Заметив на дороге колонну нашей военной техники, он решил предупредить артиллеристов. Иван Лаврентьевич выскочил из грузовика на обочину: он сам не имел права принимать решение об остановке или развороте колонны. Он остался ждать на обочине, когда мимо проедет вся колонна, и можно будет сесть в последнюю машину и передать информацию командиру. В этот момент с неба послышался гул, и на колонну налетели фашистские штурмовики. На глазах Ивана Лаврентьевича взрывались один за другим грузовики с артиллерийскими установками. Машина, в которой он только что ехал, была уничтожена одной из первых. Взорвалась и командирская машина, мало кому удалось уцелеть. Что помогло человеку выжить? Случайное стечение обстоятельств? Или тот человек на обочине? Или, как писал Константин Симонов, кто-то моего деда «умел ждать, как никто другой?»...

Иван Лаврентьевич сумел договориться в своей военной части о том, чтобы его жену Татьяну Алексеевну взяли на физически несложную работу в его часть, и семья воссоединилась: теперь Юра с мамой сопровождали отца во всех его военных странствиях по Восточной Европе. Мой отец оказался на положении сына полка, и об этом периоде своей жизни папа рассказывал уже не с грустью, а с удовольствием, за исключением воспоминаний о том, как в Польше он побывал в только что освобождённом концлагере. Но подробности он мне не рассказывал, и я не просила.

Это, пожалуй, всё, что мне на данный момент удалось восстановить из папиных военных рассказов. Вспоминал он о войне с большой долей горечи в голосе, но вполне мог говорить о том трагическом периоде своей жизни. (Моя пережившая блокаду мама дольше, чем пару минут, не могла рассказывать о войне — начинала плакать и спазмы мышц

горла не давали ей произносить слова). Война оставалась в жизни моего отца и как трагедия страны и народа, и как часть собственного внутреннего мира. Начинал он свои рассказы обычно с общефилософских рассуждений о причинах войны, поражений Красной армии 41-го и 42-го года, каждый раз обострённо переживая трагедию всего народа и отдельных людей и вспоминая тех советских политиков и чиновников, деятельность или бездействие которых не только привели к смертям их соотечественников, но и искалечили судьбы многих оставшихся в живых.

Юрий Иванович обладал замечательной памятью. О своей жизни в военные годы он рассказывал очень увлечённо, вспоминая такие подробности, которые многими людьми забываются не только к старости, а иногда спустя несколько минут после окончания события. Мой отец, как и другие дети военных лет, на войне просто жил, война окружала его, и он принимал это как неизбежное, находя, как любой ребёнок, в окружающем мире и плохое, и хорошее. Война жила в нём самом до самой смерти, но проявлялась не попытками делать запасы впрок (как это случается у некоторых переживших голод людей), а принятием и пониманием разных людей и событий на основании богатейшего жизненного опыта, который был получен им за четыре военных года. Внешне это выражалось иногда в лексике. До конца своей жизни в ответ на мои просьбы не перегружать себя работой папа мне, улыбаясь, отвечал: «Вот война кончится, тогда и отдохнём!» Фраза «Отойди, не мешай!» в папином исполнении звучала так: «Эвакуируйся-ка отсюда!». Очень любил цитировать «Василия Тёркина», считая эту поэму лучшим произведением о войне. Цитаты из Твардовского часто звучали в обычной повседневной папиной речи. Тяжёлое военное детство приучило Юрия Ивановича постоянно работать, чем он и занимался до последних дней жизни, даже лёжа в больнице.

Людмила Павловна Романюк

Еще одна судьба

Долго сомневалась, стоит ли писать. У многих моих ровесников родители прошли через Великую Отечественную. Ну, еще одна жизнь, еще одна судьба. Но, подумалось, что об этой стороне жизни на войне не так много говорится, а военная судьба моего отца сложилась непредсказуемым образом. И долго, вплоть до «оттепельно-покаянных» 60-ых, никто не знал историю его войны. Может быть, только самые близкие. В воинском билете у него была запись «В войне участия не принимал. Контузий и ранений не имеет». И печать, свидетельствующая о том, что тем, кому следует знать, знали, где он был и что делал в военные годы.

Я узнала, когда училась в шестом классе. Мои первые детские стихи все были о войне. Потому что рассказы о войне каждый вечер были в нашем доме — отец рассказывал свое пережитое двум господам, которые приходили вечерами, слушали и записывали на только что появившиеся ленточные магнитофоны его рассказы. А я делала уроки в соседней комнате и переживала его жизнь. Кто это был, зачем записывали, не знаю. Возможно, журналисты, возможно, «киношники». Для кино трудно придумать такой сценарий, а это была реальная жизнь.

В 1940 году отец — Романюк Павел Филиппович (1921 г. рождения) — окончил строительное отделение Уманского техникума механизации сельского хозяйства. В голодовку 30-ых был парализован и погиб его отец и его младшая сестра, мать все силы отдала, чтобы сохранить жизнь ему и старшей сестре и дать образование сыну (техникум тогда был недосягаемым для многих).

По окончании техникума он был призван в армию.

Служил в 71-ом Военно-строительном Ордена Красной Звезды Отряде 24 УВЦС 27 УОС НГК (сокращения мне не понятны), командиром которого был инженер-майор Дубровский. Собственно, все, что фактически зафиксировано в документах.

Из рассказов я поняла, что служба его проходила на границе, где в то время происходило переукрепление и строительство новых оборонных рубежей, и папа, как уже образованный специалист—строитель, не будучи офицером, был назначен начальником одного из участков строительства в непосредственной близости от Брестской крепости. У него были все документы с чертежами, ему позволены были разные послабления, как начальнику, в смысле свободы передвижения и ношения формы.

Именно субботу 20 июня у него начался отпуск, и отец сдал оружие, документы и отправился на побывку домой. По тем временам передвигались на лошадях в основном, далеко он не уехал, ночью начались бомбежки...

Первый шок, хаос, осознание ответственности и попытка вернуться на место дислокации — главная мысль была, что это провокация и что чертежи укреплений могут попасть в руки врага. Он стремился на запад, а навстречу уже под бомбежками бежали наши отступающие разрозненные группы военных. Их пытались остановить и организовать офицеры,

С сестрой Анной, 1940 г.

комиссары, «особисты». Под горячую руку последних отец попал и мог погибнуть — он был без оружия в офицерской форме и шел на запад. Видимо, документы были в порядке, пули он избежал, был включен в состав воинского образования, но в очередной массированной бомбежке он был контужен и потерял сознание. Возможно, некому было оказать помощь, возможно, сочли, что он мертв, но очнулся он уже в немецком госпитале. Наверное, немцы, увидев человека в офицерской форме, решили, что он может быть им полезен, подобрали и оказали медицинскую помощь, привели в сознание, но узнать от него они ничего не смогли, так как отец ничего после контузии не помнил, даже свое имя — назвал себя Алешей. Память к нему вернулась, но не сразу, а головные боли, потом преследовали всю оставшуюся жизнь. Ничего не добившись, немцы отправили его в лагерь военнопленных.

С этого момента у него была своя война, в которой ему удалось все же выжить и победить. Оставляя эмоции, могу только привести факты, которые помню из его рассказов. За четыре года он был в четырех лагерях, один из которых Дахау — «фабрика смерти». Два расстрела, в которых он уцелел. Один — массовый, в котором за секунду до выстрела его старший товарищ по плену успел толкнуть отца и тот упал до того, как пуля его достала, просто был ранен и укрыт сверху мертвыми телами, а ночью выбрался, но далеко не смог уйти, снова был схвачен и брошен в лагерь. Второй раз после попытки побега его вели на расстрел, избежать которого уже было невозможно. Но случилось чудо — расстреливать его должны были двое румын. Они пожалели парня, уж не знаю, почему, вывели в поле на безопасное расстояние и выстрелили в воздух, оставив котелок еды — наверное, у них

с Богом были свои отношения, служили ведь разные люди.

Все эти долгие годы родные ничего не знали о нем — ни одной весточки за все время. Бабушка была очень набожной — она день и ночь молилась и верила. А сестра пошла к гадалке и та сказала ей, что «он жив, переносит страшные муки, и звезда его может закатиться в 1944 году, но если он выживет, то будет жить дальше...». В 1944 году отец все же сумел бежать и перебраться в зону, контролируемую союзниками-американцами. При этом он мог погибнуть — он обнаружил блиндаж с запасами еды, думал, что он брошен, потерял осторожность, а когда выбрался с консервами — наткнулся на отлучившегося из блиндажа пожилого немца. Война была на исходе, бои шли на фронтах, а на этих участках, очевидно, служили или пожилые из резерва или дети из «гитлерюгенда». В рукопашной схватке отец, даже обессиленный, оказался сильнее и сумел «придушить» пожилого немца, хоть тот ножом успел его резануть, шрам на руке я хорошо помню. Отец потом всю жизнь вспоминал этого немца и очень надеялся, что тот все же остался жив.

Далее — жизнь в американской зоне в лагере для «перемещенных лиц». Таких перемещенных лиц к концу войны на территории Западной Европы по статистике было более 5 млн. человек, из них примерно 1.7 млн. — бывшие советские военнопленные (Земсков В. Репатриация перемещенных советских граждан. В октябре 1944 г. было создано специальное Управление Совнаркома СССР по делам репатриации, возглавил его генерал-полковник Ф.И. Голиков, бывший руководитель военной разведки). Судьбы репатриированных складывались по-разному, иногда трагически. В лагерях перемещенных лиц западные спецслужбы развернули «охоту за умами», склоняли к отказу от возвращения в СССР. Отец рассказывал, что он это испытал на себе. Его страшали, что

на родине он попадет снова в лагерь, потому что не сможет доказать, как он попал в плен, где был все эти годы. Документов у него нет, а память после контузии не вполне восстановилась. Но эти аргументы были напрасны, было одно желание — наконец, попасть домой, на Родину!

В лагере же они жили вполне свободно. Их кормили, давали читать прессу, раздавали трофейные вещи — папа вернулся с трофейными фотоаппаратами с цейсовской оптикой и в американском кожаном пальто — все это бережно мной хранится и сейчас.

И все же наступил тот момент, когда он в числе многих был переправлен на Родину и передан советским властям. И вот здесь случилось самое невероятное — человек, который занимался его Делом, знал его по Бресту до войны! Он спас отца. Именно благодаря ему в воинском билете появилась эта запись «В войне участия не принимал. Контузий и ранений не имеет». Человеческий фактор, однако. Он спас отца, возможно, от других испытаний. Папа был определен в воинскую часть и служил вплоть до 1947 года, когда началась массовая демобилизация.

В мирной жизни отец работал по специальности — строил, учиться уже не мог, с 1956 года по 1961 год имел инвалидность II группы, в дальнейшем перешел на III группу. Всю жизнь он возвращался в свое военное прошлое, эти годы, как я понимаю, стали главными в его жизни.

Послесловие 1: Гадалка тогда сестре сказала больше — «если выживет, то следующий раз решаться его судьба будет, когда ему будет 65 лет. Если выживет, будет жить дальше».

Папа не дожил до 66 лет...

Послесловие 2: Мама в это время была юной девушкой (1927 г. рождения), и оказалась в оккупации в известном теперь всем городе Краматорске, где жила с бабушкой (дедушка был солдатом на фронте, воевал на Курской дуге). В доме у них жил немец, который обслуживал военный аэродром (тот самый, который прогремел в современных военных сводках с Украины). Маму прятали в погребе, но немец все знал, оставлял на столе шоколад, а когда возвращался со службы, пил шнапс и, напишись, декларировал: « Сталин — капут! Гитлер — капут!» и плакал, глядя на фото своих родных и детей. Кому и зачем была нужна эта война, которая перемолола столько судеб? Кому и зачем?

С женой Александрой, 1951 г.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Расул Гамзатов

<Перевод Я.Козловского>

Нас двадцать миллионов

От неизвестных и до знаменитых,
Сразить которых годы не вольны,
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Нет, не исчезли мы в крошечном дыме,
Где путь, как на вершину, был не прям.
Еще мы женам снимся молодыми,
И мальчиками снимся матерям.

А в День Победы сходим с пьедесталов,
И в окнах свет покуда не погас,
Мы все от рядовых до генералов
Находимся незримо среди вас.

Есть у войны печальный день начальный,
А в этот день вы радостью пьяны.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

Мы не забылись вековыми снами,
И всякий раз у Вечного огня
Вам долг велит советоваться с нами,
Как бы в раздумье головы клоня.

И пусть не покидает вас забота
Знать волю не вернувшихся с войны,
И перед награждением кого-то
И перед осуждением вины.

Все то, что мы в окопах защищали
Иль возвращали, кинувшись в прорыв,
Беречь и защищать вам завещали,
Единственные жизни положив.

Как на медальях, после нас отлитых,
Мы все перед Отечеством равны
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Где в облаках зияет шрам наскальный,
В любом часу от солнца до луны
Бьет колокол над нами поминальный
И гул венчальный льется с вышины.

И хоть списали нас военкоматы,
Но недругу придется взять в расчет,
Что в бой пойдут и мертвые солдаты,
Когда живых тревога призовет.

Будь отвратима, адова година.
Но мы готовы на передовой,
Воскреснув, вновь погибнуть до едина,
Чтоб не погиб там ни один живой.

И вы должны, о многом беспокоясь,
Пред злом ни шагу не подавшись вспять,
На нашу незапятнанную совесть
Достойное равнение держать.

Живите долго, праведно живите,
Стремясь весь мир к собратству сопричь,
И никакой из наций не хулите,
Храня в зените собственную честь.

Каких имен нет на могильных плитах!
Их всех племен оставили сыны.
Нас двадцать миллионов незабытых,
Убитых, не вернувшихся с войны.

Падучих звезд мерцает зов сигнальный,
А ветки ив плакучих склонены.
Бьет колокол над нами поминальный,
И гул венчальный льется с вышины.

СЛАВА ВОИНАМ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА! СЛАВА ТРУДЯЩИМСЯ ГОРОДА ЛЕНИНА!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

Орган Ленинградского Областного и Городского Комитетов ВЛКСМ

№ 20 (5533)

Пятница, 28 января 1944 г.

XXV ГОД ИЗДАНИЯ
ЦЕНА 10 коп.

ПРИКАЗ войскам Ленинградского фронта

Товарищи красноармейцы, сержанты и офицеры войск Ленинградского фронта! Герои Краснознаменного Балтийского флота! Трудящиеся города Ленина!

Войска Ленинградского фронта в итоге двенадцатидневных напряженных боев прорвали и преодолели на всем фронте из Ленинграда сильно укрепленную, глубоко эшелонированную долговременную оборону немцев, штурмом овладели важнейшими узлами сопротивления и иными пунктами противника под Ленинградом: городами КРАСНОЕ СЕЛО, РОПША, УРИЦК, ПУШКИН, ПАВЛОВСК, МГА, УЛЬЯНОВКА, ГАТЧИНА и другими и, успешно развивая наступление, освободили более 700 населенных пунктов и отбросили противника от Ленинграда по всему фронту на 65—100 километров. Наступление наших войск продолжается.

В ходе наступления нашими войсками разгромлены вражеские войска, державшие Ленинград в осаде, и захвачены большие трофеи.

В итоге боя решена задача исторической важности: город Ленинград полностью освобожден от вражеской блокады и от варварских артиллерийских обстрелов противника.

В ознаменование одержанной победы и в честь полного освобождения Ленин-

**Командующий войсками
Ленинградского фронта
Генерал армии**

Л. ГОВОРОВ

27 января 1944 года.

града от вражеской блокады, сегодня, 27 января, в 20 часов, город Ленина салютует доблестным войскам Ленинградского фронта 24 артиллерийскими залпами из 324 орудий.

За отличные боевые действия **ОБЪЯВЛЯЮ БЛАГОДАРНОСТЬ** всем войскам фронта и морякам Краснознаменного Балтийского флота, участвовавшим в боях за освобождение Ленинграда от блокады.

Граждане Ленинграда! Мужественные и стойкие ленинградцы! Вместе с войсками Ленинградского фронта вы отстаивали наш родной город. Своим героическим трудом и стальной выдержкой, преодолевая все трудности и мучения блокады, вы ковали оружие победы над врагом, отдавая для дела победы все свои силы.

От имени войск Ленинградского фронта **ПОЗДРАВЛЯЮ** вас с знаменательным днем великой победы под Ленинградом.

**Слава воинам Ленинградского фронта!
Слава трудящимся города Ленина!**

Вечная слава героям, павшим в борьбе за город ЛЕНИНА, за свободу и независимость нашей Родины!

Под водительством Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Великого Сталина вперед, за полное изгнание немецких извергов с нашей земли!

Смерть немцам захватчикам!

**Член Военного Совета
Генерал-лейтенант**

А. ЖДАНОВ

**Член Военного Совета
Генерал-лейтенант**

А. КУЗНЕЦОВ

Обращение тов. И.В.Сталина к народу

Товарищи! Соотечественники и соотечественницы!

Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия, поставленная на колени Красной Армией и войсками наших союзников, признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию.

7 мая был подписан в городе Реймсе предварительный протокол капитуляции. 8 мая представители немецкого главнокомандования в присутствии представителей Верховного Командования союзных войск и Верховного Главнокомандования советских войск подписали в Берлине окончательный акт капитуляции, исполнение которого началось с 24 часов 8 мая.

Зная волчью повадку немецких заправил, считающих договора и соглашения пустой бумажкой, мы не имеем основания верить им на слово. Однако сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. Это уже не пустая бумажка. Это — действительная капитуляция вооруженных сил Германии. Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии всё ещё уклоняется от капитуляции. Но я надеюсь, что Красной Армии удастся привести её в чувство.

Теперь мы можем с полным основанием заявить, что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесённые нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряжённый труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом. Вековая борьба славянских народов за своё существование и свою независимость окончилась победой над немецкими захватчиками и немецкой тиранией.

Отныне над Европой будет развеяться великое знамя свободы народов и мира между народами.

Три года назад Гитлер всенародно заявил, что в его задачи входит расчленение Советского Союза и отрыв от него Кавказа, Украины, Белоруссии, Прибалтики и других областей. Он прямо заявил: «Мы уничтожим Россию, чтобы она больше никогда не смогла подняться». Это было три года назад. Но сумасбродным идеям Гитлера не суждено было сбыться — ход войны развеял их в прах. На деле получилось нечто прямо противоположное тому, о чём бредили гитлеровцы. Германия разбита наголову. Германские войска капитулируют. Советский Союз торжествует победу, хотя он и не собирается ни расчленять, ни уничтожать Германию.

Товарищи! Великая Отечественная война завершилась нашей полной победой. Период войны в Европе кончился. Начался период мирного развития.

С победой вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы!

Слава нашей героической Красной Армии, отстаивавшей независимость нашей Родины и завоевавшей победу над врагом!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях с врагом и отдавшим свою жизнь за свободу и счастье нашего народа!